

СТАТЬИ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ, СОЗДАВАЕМЫХ ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

М. В. Самарцева^{1,2}

¹Юридическая фирма «Дякин, Горцунян и Партнеры»
127051, Россия, Москва, Цветной бульвар, 2

²Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)
117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовой природы генеративного искусственного интеллекта и его влияния на авторское право. В ней рассматриваются особенности генеративного искусственного интеллекта, который способен создавать новый контент в ответ на запросы пользователей (промпты). Основное внимание уделяется правовой оценке результатов, сгенерированных с использованием технологий искусственного интеллекта (результатов ИИ), и их сопоставлению с результатами интеллектуальной деятельности, созданными человеком. В статье анализируются критерии охраноспособности таких результатов ИИ в контексте российского законодательства и имеющиеся международные подходы. Автор акцентирует внимание на том, что результаты ИИ, созданные без участия человека, по смыслу закона не могут быть признаны объектами авторских прав по праву Российской Федерации из-за отсутствия творческого вклада и непосредственного участия человека в их создании. Вместо этого предлагается разработка специального правового режима для таких объектов — результатов ИИ, который обеспечит их экономическую ценность и правовую охрану. Также рассматриваются возможные правовые механизмы в качестве инструментов для защиты результатов, созданных с использованием ИИ, при условии наличия значительного творческого вклада человека. Статья подчеркивает необходимость четкого разграничения между объектами, созданными ИИ автономно, без участия человека, и объектами, созданными в результате творческой деятельности человека с использованием ИИ в качестве творческого инструмента. Автор предлагает нормативные положения для регулирования имущественных прав на результаты, сгенерированные ИИ, и рассматривает перспективы развития законодательства в этой области.

Ключевые слова

генеративный искусственный интеллект, авторское право, промпт, результат генерации, результаты ИИ, результаты интеллектуальной деятельности, творческий вклад, слабый ИИ, оператор ИИ, интеллектуальная собственность

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Самарцева, М. В. (2024). Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом. *Цифровое право*, 5(3), 19–65. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3-5>

Поступила: 25.07.24; принята в печать: 30.08.24, опубликована: 30.09.2024

ARTICLES

LEGAL REGIME OF AI-GENERATED OUTPUTS

Maria V. Samartseva^{1,2}

¹Dyakin, Gortsunyan and Partners
2, Tsvetnoy Boulevard, Moscow, Russia, 127051

²Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)
55a, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117279

Abstract

The article is devoted to the study of the legal nature of generative artificial intelligence and its impact on copyright. It examines the features of generative artificial intelligence, which is capable of creating new content in response to user requests (prompts). The focus is on the legal evaluation of results generated using artificial intelligence technologies (the AI outputs) and their comparison with the results of intellectual activity created by humans. The article analyzes the criteria for the protectability of such AI results in the context of Russian legislation and existing international approaches. The author emphasizes that the results of AI created without human participation, within the meaning of the law, cannot be recognized as objects of copyright under Russian Federation law due to the lack of creative contribution and direct human involvement in their creation. Instead, it is proposed to develop a special legal regime for such objects—AI results—that will ensure their economic value and legal protection. Possible legal mechanisms are also considered as tools to protect the results created using AI, provided that there is a significant human creative contribution. The article emphasizes the need for a clear distinction between objects created by AI autonomously, without human participation, and objects created as a result of human creative activity using AI as a creative tool. The author offers regulatory provisions for the regulation of property rights to results generated by AI and considers the prospects for the development of legislation in this area.

Keywords

generative artificial intelligence, copyright, prompt, generative result, AI results, results of intellectual activity, creative contribution, weak AI, AI operator, intellectual property

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The study has no sponsorship.

For citation

Samartseva, M. V. (2024). Legal regime of AI-generated outputs. *Digital Law Journal*, 5(3), 19–65. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3-5>

Submitted: 25 July 2024, accepted: 30 Aug. 2024, published: 30 Sept. 2024

Введение

В последние годы технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ), особенно генеративного ИИ, привлекли к себе значительное внимание как в научных кругах, так и в обществе в целом. Генеративный ИИ представляет собой тип искусственного интеллекта, который на основе больших наборов данных способен создавать новый контент, включая тексты, изображения, аудио и видео. Появление такого контента в виде результатов генерации ИИ вызывает множество вопросов, связанных с правовой природой данных результатов и их охраноспособностью.

Одной из ключевых задач современного правового регулирования является определение правового статуса объектов, создаваемых генеративным ИИ — результатов ИИ. В условиях отсутствия единого международного подхода к регулированию технологий ИИ, в частности генеративного ИИ, различные юрисдикции сталкиваются с необходимостью адаптации существующих норм права к новым реалиям. В частности, важным является вопрос о том, могут ли результаты, созданные ИИ, быть признаны объектами интеллектуальных прав, и если да, то какие права на них могут возникать, а также каким критериям такие объекты должны соответствовать.

В российском законодательстве автором произведения признается только человек, творческим трудом которого создан результат. Это вызывает сложности в отношении объектов, созданных ИИ без непосредственного участия человека. В связи с этим возникает необходимость разработки новых подходов к регулированию прав на такие результаты ИИ.

Настоящее исследование посвящено анализу правовой природы запросов (промптов) в их взаимосвязи с результатами, сгенерированными ИИ. Особое внимание уделяется вопросам авторского права и возможности признания таких результатов объектами интеллектуальных прав. Также рассматриваются возможные правовые режимы для объектов, создаваемых ИИ, и предлагаются рекомендации по их регулированию.

Целью данного исследования является формулирование научно обоснованных предложений по развитию законодательства в области регулирования технологий ИИ и правоотношений, возникающих в связи с созданием результатов ИИ, что позволит обеспечить эффективную защиту прав субъектов и стимулировать развитие инноваций в указанной сфере.

Постановка проблемы

В Концепции развития регулирования в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» (далее — Концепция развития ИИ), нашел закрепление вывод о том, что в мире не сформировались единые подходы к регулированию технологий ИИ, что обусловлено наличием ряда проблем, не имеющих однозначного решения. В числе концептуальных проблемных направлений регулирования предложен правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ, который и составляет объект настоящего исследования.

Формирование эффективного правового регулирования требует тщательной теоретической проработки концепции, цели и задач будущего законодательства. В таких условиях очевидна потребность в доктринальных исследованиях правовых отношений, связанных с созданием посредством ИИ новых результатов, внешне схожих с результатами интеллектуальной

деятельности (человека), что предполагает в первую очередь определение юридической сущности объектов, которые задействованы в этом.

Указанные исследования могут проводиться только в отношении такого типа ИИ, который способен создавать новые результаты, в частности, в виде контента: текстов, изображений, музыки и др. Речь идет о генеративном ИИ (*Generative AI*, далее также — *GenAI*), основная цель работы которого как раз и заключается в создании нового контента.

На данное обстоятельство обратила внимание Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в Первоначальных соображениях относительно политики генеративного ИИ, определив *GenAI* как технологию, которая «создает новый контент, включая текст, изображения, аудио или видео, на основе обучающих данных и в ответ на запрос»¹ (о запросе (промпте) будет подробнее говориться ниже). В Отчете Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), посвященном генеративному ИИ, также подчеркивается, что этот тип ИИ специально предназначен для генерации контента, который вырабатывается компьютером с использованием существующих больших наборов данных, причем самым простым образом — на основе обычного запроса, не требующего от пользователя технических навыков². В Руководстве по использованию генеративного ИИ в образовании и научных исследованиях, подготовленном ЮНЕСКО, отмечено, что генеративный ИИ — это технология, «которая автоматически создает контент в ответ на запросы, формулируемые в диалоговых интерфейсах на естественном языке»³, т.е. снова делается акцент на том, что для генерации соответствующего контента не требуются навыки программирования, необходимые для разработчика программного обеспечения.

В литературе признается, что такие определения скорее имеют описательный характер, нежели характеризуют *GenAI* в техническом ключе. Однако и формулируемые юристами определения упоминают те же свойства. В частности, Ли Яо описывает генеративный ИИ как «технологию, которая использует модели глубокого обучения для создания генеративных информационных материалов (текста, изображений, видео и пр.) в ответ на запрос человека» (Li, 2023, p. 247). Дж. Хатсон делает акцент на том, что ИИ с помощью алгоритма создает именно новый контент, а не воспроизводит конкретные фрагменты обучающих данных (в число которых попадают авторские произведения) (Hutson, 2024, p. 888).

С учетом сказанного для целей настоящего исследования генеративный ИИ можно охарактеризовать как тип ИИ, который на основе больших наборов данных генерирует новые результаты (включая текст, изображения, аудио или видео) в ответ на запрос, который может быть сформулирован пользователем без применения навыков программирования.

Вышеизложенные дефиниции генеративного ИИ (а в их русле и предложенное авторское определение) достаточно четко обозначают субъекта, за которым усматривается созидательная роль при производстве контента: это пользователь, от которого не требуется обладание навыками программирования, чтобы задать запрос (промпт), на основании которого ИИ может самостоятельно сгенерировать результат, внешне имеющий явное сходство с объектами

¹ См.: Lorenz, P., Perset K., & Berryhill, J. (2023). *Initial policy considerations for generative artificial intelligence*. OECD. <https://doi.org/10.1787/fae2d1e6-en>

² WIPO. (2024). Patent Landscape Report: Generative Artificial Intelligence. World Intellectual Property Organization. <https://doi.org/10.34667/tind.49740> (<https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/en/1-generative-ai-the-main-concepts.html>).

³ UNESCO. (2024) *Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях*. [Guidance for generative AI in education and research] (A. Lyapicheva, G. Udaidas trans.). С. 9. <https://aspenet-unesco.ru/prod/files/doc/event/c4d192913ca89aa65b274ac99c2b4214.pdf>

интеллектуальных прав. И надо подчеркнуть специально, что такое правило предусмотрено именно для генеративного ИИ.

В целях настоящего исследования необходимо кратко обозначить основное отличие генеративного ИИ от негенеративного: последний относится к такому типу ИИ, основная функция которого заключается в анализе и интерпретации существующих данных для разрешения поставленных задач или построении прогнозов; он ориентирован на обработку существующих данных без создания нового контента, примерами чего являются ИИ-системы распознавания лиц, рекомендательные алгоритмы и аналитические инструменты, которые помогают в принятии решений на основе анализа данных. Примечательно, что тип ИИ предопределяет правовые вопросы, возникающие в связи с его применением. В частности, в отношении работы генеративного ИИ в первую очередь поднимаются вопросы авторского права, включая охраноспособность создаваемых посредством ИИ результатов, ответственность за нарушения авторских прав при обучении ИИ в целях создания таких результатов и пр. В отношении деятельности негенеративного ИИ первоочередными становятся несколько иные вопросы, а именно защиты данных, в том числе конфиденциальных, этичности использования алгоритмов для анализа персональных данных, медицинских данных и пр.

В контексте настоящего исследования далее будет анализироваться исключительно генеративный ИИ, что избавляет от необходимости специального употребления термина «генеративный» в последующем тексте (за исключением тех случаев, когда это требуется для акцентирования внимания).

С учетом разграничения ИИ на «слабый» и «сильный», приведенного в п. 9 Национальной стратегии развития ИИ⁴ (далее — Стратегия развития ИИ) закреплено, что ИИ, способный решать узкоспециализированные задачи, представляет собой «слабый» ИИ. В то же время ИИ, который будет способен, «подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям», поименован в Стратегии развития ИИ как «универсальный (сильный)» ИИ. Примечательно, что в подп. «х» п. 5 Национальной стратегии развития ИИ в новой редакции (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124) «сильный» ИИ раскрывается и несколько по-иному: «тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям».

Ввиду обоснованного тождества понятий «слабого» ИИ и технологий ИИ, а также их трактовки как программного комплекса или совокупности компьютерных программ необходимо проанализировать создаваемые генеративным ИИ различные по своим характеристикам и назначению результаты, которые по многим параметрам подобны результатам интеллектуальной деятельности (человека). При этом в целях настоящего исследования будут подвергнуты в основном результаты, внешне схожие с объектами авторского права, под которыми подразумеваются произведения литературы, науки и искусства (ст. 1259 ГК РФ). В то же время результатам, создаваемым ИИ и имеющим сходство с объектами патентных прав, к числу которых закон относит изобретения, полезные модели и промышленные образцы (ст. 1349 ГК РФ), в рамках данного исследования будет уделено значительно меньше внимания. Это обусловлено несколькими причинами.

⁴ Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 14.10.2019. — № 41. — Ст. 5700.

1. Первая заключается в том, что в большинстве юрисдикций объекты авторского права не требуют регистрации (авторско-правовая охрана возникает с момента создания объекта авторского права), тогда как, например, изобретения и полезные модели для возникновения патентно-правовой охраны по общему правилу нуждаются в государственной регистрации и получении патента. В этих условиях, даже признавая, что ИИ может участвовать в процессе изобретения, большинство юристов рассматривают его роль как вспомогательную, вследствие чего признается, что «по своей природе патентное право не создает препятствий для патентования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта»⁵ и само по себе участие ИИ в создании изобретения не исключает патентоспособности этого изобретения⁶, тогда как идея признавать ИИ автором изобретения в юридической среде явно не поддерживается.

Изложенное очень четко усматривается в получившем широкую известность примере длительных тяжб разработчика и исследователя ИИ Стивена Талера (*Stephen Thaler*), пытавшегося запатентовать изобретение под авторством ИИ-системы под названием *DABUS* (аббревиатура от *Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience* — «Устройство автономной загрузки унифицированного сознания»). Талер стремился доказать, что ИИ-система *DABUS* по-настоящему разумна и создаваемые ею изобретения должны получить полноценную патентно-правовую охрану. В связи с этим он неоднократно обращался в различные патентные ведомства, подавая заявки на патенты от своего имени, но указывая *DABUS* в качестве изобретателя. Эти заявки были поочередно отклонены Ведомством интеллектуальной собственности Великобритании, Европейским патентным ведомством, Ведомством США по патентам и товарным знакам, в связи с чем в юридической литературе было отмечено: «Нормативная правовая база, применяемая всеми тремя ведомствами по интеллектуальной собственности, требует, чтобы изобретатель был человеком; соответственно — системы искусственного интеллекта не могут быть изобретателями, поэтому патент не может существовать в отношении технологии, которую создает, «изобретает» искусственный интеллект» (Shakhnazarova, 2021, pp. 34–45). Подобные дела вызывают неоднозначную реакцию у юристов, причем некоторые высказываются в пользу изменения патентного законодательства: «Патентное право было разработано для изобретений первой и второй промышленных революций. Оно не подготовлено должным образом к решению проблемы четвертой промышленной революции»⁷. Это стало основанием для Ведомства по интеллектуальной собственности Великобритании приступить к сбору предложений о необходимости пересмотра существующего регулирования⁸, хотя в литературе отмечается, что вопрос о серьезном изменении патентного законодательства в связи с развитием ИИ не стоит, а выявляемые практикой проблемы «решаются или точечным изменением

⁵ (НИУ ВШЭ. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы* (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 25–26. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>)

⁶ Shemtov, N. (2019). *A study on inventorship in inventions involving AI activity*. European Patent Office. https://link.epo.org/web/Concept_of_Inventorship_in_Inventions_involving_AI_Activity_en.pdf

⁷ Croft, J. (2021, September 22). AI system cannot be named as the inventor on a patent, UK court rules. *Financial Times*. <https://www.ft.com/content/1c79e834-f1c8-40ef-8d64-84e9cd00be47>

⁸ Intellectual Property Office. (2021, March). *Artificial intelligence and intellectual property: call for views. Consultation outcome. Summary of questions*. UK Government. <https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-intellectual-property-call-for-views/summary-of-questions>

законодательства, или изданием подзаконных актов, разъясняющих соответствующие процедурные вопросы (как это сделано, например, в Японии)»⁹.

2. Еще одной причиной акцентирования внимания на явлениях, внешне схожих с объектами именно авторского права, выступает то, что патентное право предъявляет строгие требования к патентуемым объектам: например, изобретение для получения правовой охраны должно быть новым, иметь изобретательский уровень и быть промышленно применимым (п. 1 ст. 1350 ГК РФ), что предполагает проведение соответствующей экспертизы. Вследствие этого объекты, нуждающиеся в патентно-правовой охране, требуют установления их соответствия указанным критериям охраноспособности, вследствие чего признаются более сложными, нежели произведения, для признания авторско-правовой охраны которых, по сути, необходимо наличие признаков творчества и оригинальности, но не требуется установления новизны или неочевидности.

То, насколько более широкое применение находят объекты, создаваемые ИИ в качестве контента (от иллюстраций до музыки), также делает их востребованность более заметной, а следовательно, повышает и актуальность их правовой охраны и защиты.

В свете вышеизложенного следует признать, что, несмотря на то что в контексте ведущейся дискуссии о результатах, создаваемых с использованием ИИ, вопросы патентного права не менее важны, нежели возникающие в сфере авторского права, охраняемые объекты различаются по критериям и подходам к их правовой охране, что ставит разные вызовы и создает различные возможности для разработки правового режима объектов, создаваемых ИИ. С учетом уже выявленных вопросов можно утверждать, что проблематика сферы именно авторского права на сегодня является преобладающей и требующей первоочередного внимания. Потребности в научном обосновании правового режима результатов, сгенерированных ИИ и имеющих сходство с иными (неавторскими) объектами интеллектуальных прав, в настоящее время не столь ощутимы¹⁰.

Для достижения поставленных целей прежде всего необходимо разобрать критерии, которые позволяют характеризовать авторское произведение в качестве объекта авторского права.

В российской юридической литературе при исследовании произведений литературы, науки и искусства весьма часто встречаются ссылки на известное высказывание В. И. Серебровского, который понимал произведение «как совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия

⁹ Правда, отмечается, что широкое применение ИИ при разработке патентуемых объектов может потребовать изменения подхода к определению изобретательского уровня с ужесточением требований к характеристикам решения или изменению самого критерия, который на сегодняшний день ориентируется на изобретателя-человека. Это связано с тем, что широкое применение ИИ при разработке технических решений способно привести к массовому созданию не имеющих ценности результатов, на фоне которых будут незаметны действительно ценные технические решения, а кроме того, будет способствовать вытеснению из сферы технического творчества людей, что может негативно сказаться на разработке прорывных решений (НИУ ВШЭ. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы* (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 25–26. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>).

¹⁰ А. И. Балашова по результатам проведенного исследования пишет, что нынешний ИИ способен создавать объекты, которые сопоставимы с такими результатами интеллектуальной деятельности как: 1) объекты авторских прав (произведения науки, литературы, искусства, программы для ЭВМ); 2) объекты смежных прав (исполнения); 3) объекты патентного права (изобретения, полезные модели, промышленные образцы); 4) топологии интегральных микросхем (Balashova, 2023, pp. 190–206).

человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» (Serebrovskij, 1956, p. 32). Следование данной позиции прослеживается в нормах части четвертой ГК РФ, в которых, как признается в литературе, находят прямое подтверждение только два критерия охраноспособности произведений: произведение должно быть создано в результате творческой деятельности (ст. 1257 ГК РФ) и выражено в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ)¹¹. С учетом этого Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права»¹².

Вместе с тем требование, например, оригинальности довольно часто упоминается в юридических публикациях, посвященных признакам авторских произведений, хотя мнения в ее отношении у правоведов существенно расходятся: одни считают необходимым оценивать признак оригинальности при решении вопроса о правовой охране тех или иных произведений (Isaeva, 2023b, p. 57); другие предлагают использовать иные критерии (например, новизну, уникальность идей, неповторимость, авторскую индивидуальность, воспроизводимость и пр.) (Kosickij, 2023, p. 11–17; Isaeva, 2023a, p. 61–67); третьи уравнивают творческий характер и оригинальность¹³ и т.д. При этом отсутствие требования оригинальности в качестве критерия охраноспособности авторских произведений непосредственно в действующем российском законодательстве уже неоднократно критиковалось учеными¹⁴.

Неоднородной является практика применения признака оригинальности и в зарубежных юрисдикциях.

Как следует из действующего законодательства и судебной практики ЕС, для предоставления произведению охраны как объекту авторских прав оно должно отвечать критерию оригинальности — быть «результатом самостоятельной интеллектуальной деятельности автора» (*author's own intellectual creation*). Рассматриваемый признак законодательно закреплен в ЕС в отношении отдельных объектов авторского права в нескольких документах.

Впервые указанный критерий был обозначен в отношении компьютерных программ в Директиве Совета Европейских сообществ от 14 мая 1991 г. № 91/250/ЕЕС «О правовой охране компьютерных программ» (Böhler, 2017, pp. 11–12)¹⁵. Так, согласно ст. 1(3) названной Директивы компьютерная программа подлежит охране, если она является оригинальной в том смысле, что представляет собой результат самостоятельной интеллектуальной деятельности автора, и никакой другой критерий для определения возможности охраны не применяется. Затем аналогичные нормы относительно оригинальности баз данных были закреплены Директивой Европейского парламента и Совета ЕС от 11 марта 1996 г. № 96/9/ЕС «О правовой охране баз данных»¹⁶. Идентичный подход к оригинальности фотографии как объекта авторских прав был установлен в Директиве Европейского парламента

¹¹ См., например, Milyukov (2025, pp. 63–73).

¹² Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2019 г. № 10.

¹³ См., например: Mikhailov (2021, pp. 9–25).

¹⁴ См., например: Ivanov (2018, pp. 7–12), Lutkova (2017, p. 52).

¹⁵ Directive 91/250/EEC, of the Council of the European Communities of 14 May 1991 on the Legal Protection of Computer Programs, 1991 O.J. (L 122) 42.

¹⁶ Directive 96/9/EC, of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases, 1996 O.J. (L 77) 20.

и Совета ЕС от 12 декабря 2006 г. № 2006/116/ЕС «О сроках охраны авторского права и некоторых смежных прав»¹⁷.

Законодательного закрепления критериев оригинальности применительно к другим объектам авторских прав не произошло. Тем не менее в решении по делу *Infopaq* (в 2009 г.)¹⁸ Суд ЕС указал, что авторское право распространяется только на объекты, которые являются оригинальными в том смысле, что они выступают результатом самостоятельной интеллектуальной деятельности автора. Тем самым он подтвердил применение критерия оригинальности, законодательно закрепленного в вышеупомянутых директивах о компьютерных программах, базах данных, фотографиях и других видах произведений. Этот подход нашел свое дальнейшее отражение и развитие в последующих делах Суда ЕС.

Таким образом, в соответствии с законодательством и судебной практикой ЕС, охраноспособными в качестве объектов интеллектуальных прав признаются оригинальные произведения, которые являются результатом самостоятельной интеллектуальной деятельности автора. При этом формулировка критерия оригинальности в директивах и его судебное толкование могут не совпадать в деталях. Например, в решении по делу *Eva-Maria Painer* (2010) Суд ЕС, разбирая рассматриваемый признак, указал, что фотография должна содержать «личный вклад автора»¹⁹; по делу *Football Dataco* (2010)²⁰ он отметил, что соответствие критерию оригинальности подтверждается, когда автор проявляет свои способности в оригинальной манере, делая свободный и творческий выбор.

Необходимо обратить внимание на то что в некоторых странах ЕС, например Германии и Франции, формируются несколько отличающиеся от общих подходы. Так, А. В. Кашанин, подтверждая сформировавшуюся в германском праве доктрину минимальных стандартов охраноспособности авторских произведений, подчеркивает, что германское авторское право предоставляет правовую охрану отнюдь не любому творческому продукту, а только такому, который позволяет сделать вывод о его тесной связи с автором (Kashanin, 2007, pp. 30–41). Кроме того, даже в условиях отсутствия в Кодексе интеллектуальной собственности Франции прямого указания на критерий оригинальности требование о его применении сформировалось во французской правовой доктрине и подтверждается в судебной практике (Kashanin, 2010, p. 115).

Вместе с тем даже при наличии отличительных особенностей в понимании критерия оригинальности, в частности, в юрисдикциях Германии и Франции общая концептуальная основа остается схожей. Проведенный анализ законодательства и судебной практики зарубежных стран позволяет согласиться с мнением К. С. Огородниковой, отметившей, что «понятие «оригинальность» признается всеми правовыми системами мира как условие предоставления охраны произведения авторским правом, однако единый подход к пониманию этого института отсутствует» (Ogorodnikova, 2021, pp. 60–67). Выделяя четыре основных подхода к определению данного понятия, названный автор обозначает их следующим образом: «...в Европейском союзе под оригинальным произведением понимают «собственное интеллектуальное творение автора»; в США сформировано положение о минимальном творческом вкладе автора в произведение; право Канады включает подход относительно понимания

¹⁷ Directive 2006/116/EC, of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on the Term of Protection of Copyright and Certain Related Rights, 2006 O.J. (L 372) 12.

¹⁸ Case C-5/08, *Infopaq Int'l A/S v. Danske Dagblades Forening*, 2009 E.C.R. I-6569.

¹⁹ Case C-145/10, *Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH and others*. ECLI:EU:C:2011:798 (Dec. 1, 2011).

²⁰ Case C-604/10, *Football Dataco Ltd and others v. Yahoo! UK Ltd. and others*. ECLI:EU:C:2012:115 (March 1, 2012).

оригинального произведения как «независимо произведенного с привлечением собственного мастерства и суждений автора»; право Великобритании признает произведение оригинальным при условии, что автор создал его собственными «знаниями, усилиями, суждениями и трудом»» (Ogorodnikova, 2021, pp. 60–67).

В развитие вышеизложенного следует обратить внимание на выявленные М. А. Рожковой в российском законодательстве об интеллектуальной собственности пять признаков (критериев) произведений литературы и искусства, которые необходимы для признания произведений объектами авторских прав (Rozhkova, 2024b, pp. 49–61). По результатам проведенных исследований она делает следующее заключение: «...признаваться объектом авторских прав и получить авторско-правовую охрану может произведение литературы или искусства, которое:

- 1) создано физическим лицом, не обязательно обладающим профессиональной квалификацией в сфере литературы и искусства;
- 2) стало результатом творческого труда этого физического лица;
- 3) выражено в объективной форме, позволяющей воспринимать его другими лицами (однако доведение его до сведения широкой публики не является обязательным);
- 4) было создано самостоятельно — без неправомерных заимствований из чужих произведений — и допускает его использование вне связи с каким-либо другим произведением;
- 5) обладает оригинальностью, что проявляется в индивидуальном стиле автора произведения» (Rozhkova, 2024b, pp. 49–61).

При этом названный автор подчеркивает, что если произведение не отвечает хотя бы одному из обозначенных признаков, то речь может идти только об авторском произведении, находящемся в общественном достоянии, т.е. произведении, которое в силу п. 2 ст. 1282 ГК РФ может быть свободно использовано любым лицом без согласия и выплаты авторского вознаграждения.

Примечательно, что проведенные исследования позволили М. А. Рожковой четко отграничить произведения литературы и искусства от произведений науки, для которых ей же из действующего законодательства выведены собственные критерии охраноспособности (Rozhkova, 2024a, pp. 145–152). В связи с этим указывается: «...признаваться объектом авторских прав и получить авторско-правовую охрану может произведение науки, которое:

- 1) создано физическим лицом, обладающим необходимой квалификацией и профессионально занимающимся научной и (или) научно-технической деятельностью;
- 2) стало результатом творческого труда этого физического лица при осуществлении им научной деятельности;
- 3) выражено в объективной форме с обязательной фиксацией на информационном (материальном) носителе;
- 4) было создано самостоятельно — без неправомерных заимствований чужих результатов творческого труда;
- 5) обладает новизной, под которой подразумевается новизна результатов научного исследования» (Rozhkova, 2024a, pp. 145–152).

Для целей настоящего исследования надо отметить, что несмотря на разницу в подходах к критерию оригинальности произведения, обнаруживаемую в разных юрисдикциях, равно как и различия в толковании судами понятий «творчество» и «творческая деятельность», большинство правовых систем придерживается концептуальной позиции, согласно которой автором произведения может признаваться только человек (об этом будет сказано ниже).

Здесь примечательно обстоятельство, на которое обратила внимание М. А. Рожкова: к субъектам, создающим произведения науки, Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ

«О науке и государственной научно-технической политике» предъявляются специальные требования. В частности, п. 1 ст. 4 названного Закона определено, что в качестве авторов произведений науки могут выступать только исследователи — граждане, обладающие необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью. Это требование четко ограничивает авторов произведений науки от авторов произведений литературы и искусства, к которым ГК РФ не предъявляет никаких специальных требований: автором произведения литературы и искусства может стать любое физическое лицо вне зависимости от обладания им профессиональной квалификацией в обозначенных сферах.

В данных обстоятельствах можно сделать следующий вывод. В случае создания с использованием ИИ такого объекта, который имеет очевидное сходство с произведениями науки, этот объект по смыслу действующего законодательства может быть признан произведением науки (и, соответственно, получить авторско-правовую охрану) только в том случае, если его автором-создателем будет выступать исследователь, отвечающий требованиям п. 1 ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». В противном случае полученный результат не может рассматриваться в качестве произведения науки независимо от уровня его содержания.

Изложенное позволяет вывести анализ произведений науки за рамки настоящего исследования, вследствие чего далее будет анализироваться создание с использованием ИИ результатов, традиционно относящихся к авторскому контенту, в состав которого входят иллюстрации, текст, фото, видео, музыка и т.п.

Правовая природа запроса (промпта) и сгенерированного искусственным интеллектом результата (ответа)

Обозначив более четко сферу проводимого исследования, необходимо дать правовую оценку двум новым явлениям, обладающим значимостью для целей разрешения вопроса об охраноспособности создаваемых ИИ объектов. Это, во-первых, запрос (промпт) пользователя и, во-вторых, результат, генерируемый ИИ в качестве ответа на такой запрос.

Использование генеративного ИИ осуществляется пользователями посредством обращения к приложениям и сервисам, создаваемым на базе этого ИИ. Д. А. Королькова, характеризуя такие приложения и сервисы (и упоминая, в частности, *ChatGPT*, *Midjourney*, *Stable Diffusion*, *Claude*, *Grok*, *Google Gemini*, *YaGPT*, Шедеврум, Кандинский, *GigaChat* и др.), подчеркивает, что они ориентированы на конечных пользователей, как правило, не обладающих навыками программирования. Вследствие этого такие сервисы «предоставляют пользователям интуитивно понятные интерфейсы, которые позволяют использовать сложные технологии искусственного интеллекта (чат-боты или системы рекомендаций) без необходимости глубоких технических знаний» (Korolkova, 2024, p. 148). Для целей получения результата, соответствующего его потребностям, пользователь формулирует и вводит в систему соответствующий запрос на естественном (человекочитаемом) языке; «такой ввод текстовых (а в более поздних моделях — и иных) данных называется промптом» (Kirpichev, 2024, p. 908).

С учетом сказанного запрос (*prompt* — «подсказка») в самом общем виде можно определить как введение в систему, основанную на использовании генеративного ИИ, текстовых или иных данных для целей получения искомого результата — графического, музыкального, текстового или иного, т. е. промпты не ограничиваются текстовыми описаниями и могут иметь визуальную или звуковую форму, а также формироваться в виде комплексного запроса, включающего не только текст, но и звук, изображение и другие типы данных.

Давая запрос (промпту) юридическую оценку, А. Е. Кирпичев отмечает, что он представляет собой сознательное (волевое) действие человека, в котором воплощено намерение человека на создание нового; это может быть как предварительное (промежуточное) воплощение новой идеи, так и конечный результат, генерируемый ИИ (Kirpichev, 2024, pp. 49–61). Вместе с тем оценив такое действие в контексте теории юридических фактов, автор квалифицирует его как юридический поступок — действие, которое не направлено на создание правовых последствий: «С этой точки зрения промпт представляет собой юридический поступок — фактическое действие, которое совершается осознанно, но при этом оно не обязательно нацелено на юридический результат... Такая квалификация, в частности, позволяет помочь решить проблему применимости к промптам критериев авторского права» (Rozhkova, 2010, pp. 114–115)²¹.

Соглашаясь с квалификацией промпта в качестве юридического поступка, сложно поддерживать встречающиеся в литературе предложения рассматривать сам промпт в качестве объекта авторских прав²². Более того, Бюро авторских прав США недавно высказалось в том ключе, что в некоторых случаях запросы (промпты) вполне могут быть признаны креативными, творческими, чтобы быть защищенными авторским правом²³.

С такой позицией сложно согласиться. Гораздо более взвешенным здесь представляется подход М. А. Рожковой, которая подчеркивает, что признавать промпт авторским произведением нет оснований, поскольку его формулирование — это не творческий процесс, а этап целенаправленного процесса по постановке и разрешению конкретной практической задачи, причем сам промпт — «это только постановка задачи, то есть собственно инструмент для создания результата, но не сам результат, который генерируется ИИ в ответ на запрос»²⁴.

Подтверждением изложенному выводу является такое упоминаемое А. Е. Кирпичевым направление использования генеративного ИИ, как предварительное воплощение идей. В частности, примером здесь может стать запрос пользователя на создание ИИ высококачественного запроса для последующей генерации; сгенерированный ИИ запрос после доработки (а то и без таковой) будет введен пользователем в систему для генерации ИИ соответствующего результата. Таким образом, здесь будет два сгенерированных ИИ объекта — созданный по запросу пользователя промпт и ответ на этот промпт.

Надо отметить, что в литературе упоминаются и другие, помимо запроса (промпта), ситуации, приводящие к генерации ИИ результата. В частности, А. А. Алексейчук выделяет два случая,

²¹ Case C-604/10, Football Dataco Ltd and others v. Yahoo! UK Ltd. and others. ECLI:EU:C:2012:115 (March 1, 2012).

²² В частности, такое утверждение делают А. Евсеев и Е. Кирдяшова со ссылками на проанализированные пользовательские соглашения, где пользователи обозначаются «как правообладатели промпта и контента, которые предоставляют лицензию на промпт и на сгенерированный контент» (Евсеев, А., & Кирдяшова, Е. (2024, 26 июня). ИИ создал произведение. Кому что принадлежит? *Закон.ру*. https://zakon.ru/blog/2024/06/26/ii_sozdal_proizvedenie_komu_chto_prinadlezhit). Встречаются и такие указания: «Если промпт уникальный, отражает творческий выбор автора и зафиксирован в материальном носителе (например, записан в цифровом формате), он может рассматриваться как объект авторского права» (Doczilla. (2024, 27 августа). *Авторское право и AI: считаются ли промпт и сгенерированный контент объектами авторского права?* https://doczilla.pro/ru/blog/copyright_and_ai).

²³ Letter from Suzanne V. Wilson, Gen'l Couns. and Assoc. Reg. of Copyrights, Maria Strong, Assoc. Reg. of Copyrights and Dir. of Pol'y and Int'l Aff., Jordana Rubel, Assistant Gen. Couns., U.S. Copyright Off. Rev. Bd., to Tamara Pester, Esq., Tamara S. Pester, LLC (Sept. 5, 2023) (SR # 1-11743923581). <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/Theatre-Dopera-Spatial.pdf>.

²⁴ Рожкова, М. А. (2025, 12 февраля). Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, — суть различий. *Закон.ру*. https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij

приводящих к самостоятельной генерации ИИ результата, — не только «стандартное» введение пользователем промпта в информационную систему, но и ситуацию, когда разработчики программного обеспечения создают специальные программы и алгоритмы, изначально нацеленные на то, что ИИ будет работать на достижение конкретного результата²⁵. В качестве примера он указывает на разработку студией *Obvious* программного обеспечения, которое позволило ИИ создать серию портретов вымышленной французской семьи Белами, самый известный из которых — «Портрет Эдмона Белами» — был продан в 2018 г. на аукционе *Christie's* за 432,5 тыс. долл.²⁶ При этом названный автор подчеркивает, что из описания процесса создания ИИ и в последующем серии портретов следует, что «разработчики самостоятельно определили жанр и стилистику создания объектов, установили необходимые параметры обучения искусственного интеллекта и корректировали эти параметры в процессе его работы для достижения нужного результата, осуществили выбор конкретных портретов среди всего множества созданных искусственным интеллектом»²⁷. По мнению А. А. Алексейчука, совокупность указанных действий разработчиков допустимо рассматривать как творческую деятельность, направленную именно на создание портретов, а не на создание ИИ. С подобной позицией сложно согласиться, поскольку деятельность разработчиков предшествовала генерации, тогда как собственно генерация портретов осуществлялась ИИ автономно, и полученный результат — это результат именно работы ИИ, который с большим трудом смог сгенерировать изображения, весьма условно похожие на портреты людей.

В отношении генерируемого ИИ результата необходимо обозначить несколько его характерных черт, выявленных исследователями, которые представляют значимость для целей настоящего исследования.

Принято считать, что автономной является система, которая работает без вмешательства человека, тогда как автоматизированная — по заранее определенному алгоритму (Cappelli, 2015, р. 3). Применительно к ИИ можно говорить о том, что он является автоматизированным в части следования заложенным алгоритмам и при этом близок к автономности, поскольку создаваемые им результаты для человека не являются предсказуемыми.

Когда посредством запроса (промпта) пользователь ставит перед ИИ задачу, результат генерации ИИ для него является непредсказуемым и неочевидным; данный результат вырабатывается самим ИИ на основании входящих в систему больших наборов данных, а также в соответствии с программой и заданными алгоритмами. Поскольку каким-либо образом повлиять на происходящий процесс генерации пользователь не может, то работа ИИ расценивается как автономная, а сгенерированный результат — как созданный непосредственно самим ИИ.

Бесспорно, созидательная роль при создании объектов с использованием ИИ принадлежит пользователю: не ИИ инициирует процесс генерации результата, а пользователь, который в запросе (промпте) определяет границы и задает параметры для этого. Сказанное дает основания признать: деятельность ИИ все же не является абсолютно автономной — волевой компонент начала генерации относится к человеку, и для работы ИИ необходимы предпосылки

²⁵ Алексейчук, А. А. (2020, 25 февраля). «Скайнет среди нас», или об искусственном интеллекте как авторе. Репфору́м. https://regforum.ru/posts/4773_skaynet_sredi_nas_ili_ob_iskusstvennom_intellekte_kak_avtore/

²⁶ Zhang, M. (2018, October 29). AI-Generated Portrait Sells for \$432K at Auction in World's First. PetaPixel. <https://petapixel.com/2018/10/29/ai-generated-portrait-sells-for-432k-at-auction-in-worlds-first>. В этой публикации указано: «...произведение искусства было продано на аукционе *Christie's* в Нью-Йорке 25 октября 2018 г. Несмотря на то что предварительная оценка аукциона составляла всего 7000–10 000 долл., данное произведение ошеломило мир искусства и было продано в 43 раза дороже после 7-минутной войны ставок между пятью решительными претендентами».

²⁷ Алексейчук, А. А. (2020, 25 февраля). «Скайнет среди нас», или об искусственном интеллекте как авторе. Репфору́м. https://regforum.ru/posts/4773_skaynet_sredi_nas_ili_ob_iskusstvennom_intellekte_kak_avtore/

в виде соответствующей деятельности человека: человек должен разработать соответствующий программный комплекс; человек должен задать данные для обучения ИИ; человек должен сформулировать запрос (промпт).

Вместе с тем следует констатировать, что эти разновидности человеческой деятельности только предваряют собственно работу ИИ, создавая условия для ее осуществления. Генерация результата осуществляется ИИ самостоятельно, причем сгенерированный объект отнюдь не всегда оказывается релевантным ожиданиям самого пользователя.

С учетом сказанного нет оснований отрицать, что результат генерируется ИИ автономно, хотя ИИ при этом выполняет конкретную (заданную пользователем) задачу, а сама генерация представляет собой технологический процесс, который не выходит за рамки, заданные программой и алгоритмами.

Важно отметить, что в отечественных публикациях зачастую отмечается, что сгенерированные ИИ ответы могут содержать ложную (несуществующую) информацию. Широкую известность в связи с этим получило дело американского юриста Стивена А. Шварца, представившего в суд краткий обзор прецедентов, который был сгенерирован ИИ и содержал указания на шесть несуществующих дел²⁸.

Признавая «способность» ИИ выдавать в ответ на запрос недостоверные данные, М. Н. Комашко ссылается на мнение академика А. Р. Хохлова, который заметил: «Не стоит обвинять в этом нейронную сеть, просто она так работает. Она выдает наиболее вероятный, а вовсе не правильный ответ. Причем наиболее вероятный, исходя из загруженной в нее информации» (Komashko, 2024, pp. 118–128).

Описывая в указанном ключе работу ИИ, М. Н. Комашко отмечает, что для многих пользователей оказывается неожиданностью, что нейронные сети, составляющие большие языковые модели (*Large Language Models (LLM)*), «не пишут тексты и уж тем более не анализируют и не делают умозаключений. *LLM*, и *ChatGPT* в том числе, составляют цепочку из слов. По сути, мы все уже давно знакомы с этим механизмом: Т9 в смартфоне тоже составляет цепочку из более или менее подходящих, как ему кажется, слов. *LLM (ChatGPT)* — это более совершенный и эффективный Т9. Главная задача чат-бота — продолжить предоставленный пользователем текст на одно следующее слово, а затем продолжить получившийся текст еще на одно слово, затем снова продолжить еще на одно слово и так далее. Как показали эксперименты, наиболее правдоподобные и «читабельные» тексты получаются, если нейросеть настроена продолжать текст не теми словами, которые наиболее часто употребляются после последнего введенного слова, а словами, частота употребления которых следом за «отправным» словом составляет около 80%» (Komashko, 2024, pp. 118–128).

В развитие сказанного М. А. Рожкова подчеркивает, что генерация текста осуществляется по специальным правилам: «Генерируя ответ, ИИ подбирает слова в порядке, который определяет, исходя из поставленной в промпте задачи / вопроса; контекста, в котором задается вопрос; той роли, которая обозначена для ИИ в промпте; особенностей языка, на котором изложен промпт и на котором ожидается ответ; наличия / отсутствия варианта решения задачи в промпте; заданной длины результата; наличия ограничителей; целевой аудитории или заданного стиля ответа; формата результата и проч. С учетом всех заданных параметров ИИ «собирает» в текстовой генерации те слова, которые должны в ней присутствовать «с наивысшей вероятностью»²⁹.

²⁸ Weiser, B. (2023, May 27). Here's what happens when your lawyer uses ChatGPT. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2023/05/27/nyregion/avianca-airline-lawsuit-chatgpt.html>

²⁹ Рожкова, М. А. (2025, 12 февраля). Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, — суть различий. Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij

Подводя итоги, М. Н. Комашко касается того обстоятельства, что ныне существующий ИИ во все не имитирует работу человеческого мозга, осуществляет принципиально другую деятельность, вовсе не похожую на человеческую, не подражает человеку: «...большие языковые модели не мыслят, ничего не анализируют, ничего не знают о нашем мире, они лишь рассчитывают «веса» и математические траектории и ставят объекты (которые для нас являются словами) в цепочку в соответствии с частотностью их присутствия в неких массивах (для нас являющихся текстами)»³⁰.

Резюмируя, следует признать, что сгенерированные ИИ результаты не могут рассматриваться в качестве творческих, поскольку работа по их созданию *a priori* не может сопоставляться с творческой деятельностью человека, о чем будет говориться ниже.

Если пользователь только сформулировал промпт, не прилагая никаких дополнительных (творческих) усилий, то сгенерированные ИИ результаты нет никаких оснований квалифицировать в качестве результатов творческой деятельности человека — созданный результат надо рассматривать исключительно как результат, созданный ИИ без участия человека. Если же помимо написания промпта пользователь приложил и иные усилия, которые отличает явный творческий характер, то в таком случае можно рассматривать ИИ в качестве вспомогательного инструментария, что позволяет оценивать сам результат, созданный с использованием ИИ, на предмет допустимости признания его объектом авторского права.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что в США проводится четкая грань между объектами, которые возникли в результате работы компьютера (*computer-generated works*), т.е. автономно сгенерированы ИИ, и объектами, которые созданы с использованием компьютера, когда ИИ выполнял лишь вспомогательную роль инструмента (*computer-aided / computer-assisted*)³¹. При этом предполагается, что первые не получают правовую охрану в качестве произведений, тогда как для вторых такая возможность не исключена. Правда, в публикациях подчеркивается, что в ущерб сформировавшемуся общему подходу в Соединенном Королевстве отступили от этого правила и законодательно закрепили возможность для *computer-generated works* получить правовую охрану, признавая автором такого произведения «лицо, которое приняло необходимые меры для создания произведения»³².

Разработки в исследуемой сфере ведутся и в ЕС, на что указывает П. А. Каштанова, отмечая, что «в одной из резолюций проводится разделение произведений, созданных ИИ, на два типа. Во-первых, выделяются произведения, созданные человеком с привлечением ИИ (*AI-assisted human creations*). Во-вторых, выделяются произведения, созданные непосредственно ИИ (*AI-generated creations*). В отношении первого вида произведений применяется действующее законодательство об интеллектуальной собственности. В отношении произведений, созданных непосредственно ИИ, подход менее определен» (Kashtanova, 2023, pp. 120–132).

Целесообразность проведения в законодательстве прямого разграничения между результатами, создаваемыми ИИ, и результатами, созданными с использованием ИИ, отмечается в докладе Высшей школы экономики³³, в котором делается вывод, что правовая охрана первых

³⁰ Рожкова, М. А. (2025, 12 февраля). Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, — суть различий. Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannyye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij

³¹ См., например: Bonadio et al. (2018, pp. 655–676).

³² Copyright, Designs and Patents Act 1988, с. 48, § 9 (UK), <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9>.

³³ НИУ ВШЭ. (2021). Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 20. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>

должна строиться на иных основаниях, нежели традиционное авторское право. Однако сопровождающее данный вывод указание, что ИИ выступает здесь как субъект, создающий результат интеллектуальной деятельности, несколько снижает его ценность для целей настоящего исследования.

Проблематика правовых режимов результатов, создаваемых ИИ без участия человека, и результатов, создаваемых человеком при использовании ИИ, будет подробно рассмотрена ниже.

Тем временем вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

1. Генеративный ИИ может быть определен как тип ИИ, который на основе больших наборов данных генерирует новые результаты (включая тексты, изображения, аудио или видео) в ответ на запрос, который может быть сформулирован пользователем без применения навыков программирования.
2. Анализ определений генеративного ИИ позволил заключить, что в них четко обозначен субъект, в отношении которого усматривается созидательная роль при продуцировании нового контента: это пользователь, от которого не требуется обладание навыками программирования, чтобы задать запрос (промпт), на основании которого ИИ может самостоятельно сгенерировать результат, внешне схожий с объектами интеллектуальных прав.
3. В случае создания с использованием ИИ такого объекта, который имеет очевидное сходство с произведениями науки, этот объект по смыслу действующего законодательства может быть признан произведением науки (и, соответственно, получить авторско-правовую охрану) только в том случае, если его автором-создателем будет выступать исследователь, отвечающий требованиям п. 1 ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». В противном случае полученный результат не может рассматриваться в качестве произведения науки независимо от уровня его содержания.
4. Следует согласиться с квалификацией запроса (промпта), представляющего собой сознательное (волевое) действие человека, как юридического поступка — действия, которое не направлено на создание правовых последствий. Необоснованными видятся предложения признавать промпт авторским произведением, поскольку его формулирование — это не творческий процесс, а этап целенаправленного процесса по постановке и разрешению конкретной практической задачи.
5. Созидательная роль при создании объектов с использованием ИИ принадлежит пользователю: не ИИ инициирует процесс генерации результата, а пользователь, который в запросе (промпте) определяет границы и задает параметры для этого. Таким образом, деятельность ИИ не может признаваться абсолютно автономной (волевой компонент начала генерации относится к человеку), и для работы ИИ необходимы предпосылки в виде соответствующей деятельности человека: человек должен разработать соответствующий программный комплекс; человек должен задать данные для обучения ИИ; человек должен сформулировать запрос (промпт).

Впрочем, с учетом того, что подобные разновидности человеческой деятельности только предваряют собственно работу ИИ, создавая условия для ее осуществления, генерацию ИИ результата следует рассматривать как самостоятельную, что дает основания для следующего вывода: результат генерируется ИИ автономно, хотя ИИ при этом выполняет конкретную (заданную пользователем) задачу, а сама генерация представляет собой технологический процесс, который не выходит за рамки, заданные программой и алгоритмами.

Градация результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом, в зависимости от усилий, приложенных человеком

Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом без участия человека

Подразделение результатов, создаваемых с использованием ИИ, на, во-первых, получаемые без участия человека (пользователя) и, во-вторых, результаты, в рамках которых ИИ применяется как вспомогательный инструмент, требует подробного раскрытия оснований такой градации, а также выработки предложений по установлению соответствующего этим результатам правового режима, что мы рассмотрим далее в рамках настоящего исследования.

Следует отметить, что в отличие от негенеративного ИИ, который нередко только структурирует данные в определенном заданном порядке, генеративный ИИ способен к выполнению, в принципе, творческих задач на основе изучения и использования имеющейся информации. Важно, что во втором случае машина действует автономно и независимо, имитируя человекообразные когнитивные функции и улучшая свою производительность без дополнительного программирования или иного вмешательства человека (Dickenson et al., 2017, p. 457). При этом встречающиеся в публикациях выражения «машинное творчество» (Nazarov, 2022, pp. 101–110), «вычислительное творчество» (Avershina, 2023, pp. 201–209) употребляются для обозначения всех случаев, когда машина вырабатывает решение, будь то обработка ИИ большого набора данных для построения прогноза, разработка ИИ математической теории или генерация ИИ изображений. Это свидетельствует о метафоричности, условности предлагаемых выражений, их абстрактности, а, следовательно, делает нецелесообразным их употребление в научных исследованиях.

Помимо указанного, надо отметить и то, что в юридической литературе встречаются утверждения, что результат деятельности ИИ должен получать правовую охрану, аналогичную охране произведений, создаваемых человеком. При этом авторы обычно сетуют на то, что законодательство РФ и большинства стран в этом смысле значительно отстает от технологических достижений³⁴.

Изложенные и подобные им указания нацелены на то, чтобы склонить юристов к переосмыслению традиционного подхода к толкованию понятия «творчество» в контексте решения вопроса о правовой охране результатов, генерируемых ИИ. Между тем на сегодняшний день нет серьезных оснований для смены парадигмы при определении содержания упомянутой категории.

В научной литературе при исследовании конкретных видов творчества в науке, технике или искусстве принято использовать различные методологии, анализировать прикладные аспекты творчества, его психологические основы и пр. При этом отмечается многоаспектность этого понятия, которая проявляется в значительном разнообразии даваемых определений³⁵.

Не отстает от этого и доктрина. Изучение литературы позволило сделать вывод об отсутствии единства мнений правоведов в части определения сущности понятия «творчество»

³⁴ См., например: Popova & Kiselevskaya (2018).

³⁵ В литературе указывается: «В целом термин "творчество" служит программным лозунгом, выполняющим стимулирующую и интегративную функцию в научном исследовании, но не достигшим строгости научного понятия. Многообразие его значений объемлет собой сферы личности, процесса и результата, причем часто без их ясного различения. Нет единства и в том, какими свойствами должна обладать личность, процесс и его продукт, чтобы получить название творческого, в каких условиях результат оценивается как творческий» (Yatsenko, 2010).

в контексте его применения для юридической оценки произведений. Причем необходимо учитывать обстоятельство, на которое обращает внимание А. Ю. Копылов: «...различные виды творчества — научное, литературное и художественное — оказывают прямое воздействие на условия охраноспособности отдельных видов произведений с точки зрения их содержания и формы» (Kopylov, 2020, p. 308). Кроме того, А. И. Тиунова по результатам произведенных исследований сделала следующее заключение: «...существуют различные позиции относительно того, что именно должно носить творческий характер — деятельность автора или же само произведение. Исходя из анализа положений российского законодательства (в частности, ч. 4 ГК РФ), можно сделать вывод, что законодатель придерживается первого подхода, о чем свидетельствуют формулировки ряда статей, например ст. 1228 ГК РФ (“автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат”), ст. 1257 ГК РФ (“автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано”) и др. Однако более обоснованным представляется второй подход, в соответствии с которым творческим должен быть именно результат» (Tiunova, 2021, pp. 169–177). Ранее на это обратил внимание В. А. Хохлов: «Целесообразно различать творческий подход к делу, наличие признаков творчества в процессе деятельности и признак творчества в полученном результате; для определения какого-либо произведения творческим важно, конечно же, последнее» (Khokhlov (2012, p. 44) цит. по Slobodyan (2012, pp. 91–99)).

Основываясь на действующем законодательстве, относящем критерий творчества к деятельности, и исходя из того, что авторское право допускает возможность для любого лица становиться автором литературного или художественного произведения, М. А. Рожкова пишет, что сегодня «творчество понимается скорее как форма активности человека, которая выражается в разных видах деятельности и которой занимаются не только признанные мэтры в сфере литературы и искусства, но и обычные люди» (Rozhkova, 2024b, pp. 49–61). С учетом того что российское законодательство не предусматривает новизну в качестве условия охраноспособности авторских произведений, М. А. Рожкова подчеркивает, что в таких обстоятельствах нет оснований трактовать творчество в сфере литературы и искусства как «деятельность, порождающую нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее» (Rozhkova, 2024b, pp. 49–61)³⁶, и для целей правоприменения предлагает обращаться к краткому определению, данному в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре³⁷, в силу которого творческая деятельность трактуется как «создание культурных ценностей и их интерпретация».

На другие аспекты обращают внимание А. И. Довгальук и В. Н. Глонина: «...в современном обществе объективное понимание творчества, строящееся на критерии абсолютной новизны объектов авторского права, становится всё менее реалистичным: популярность набирает искусство апроприации, творческий процесс становится технически опосредованным, наблюдаются типизация и стандартизация средств и форм выражения своей индивидуальности. Например, многочисленные споры разворачиваются вокруг фотографии как объекта авторского права» (Dovgalyuk & Glonina, 2018, pp. 175–197).

Очевидно, что изложенные позиции относятся к прикладным аспектам творчества. Общее же понимание творчества как разновидности мышления человека сформировалось еще в дореволюционной цивилистике, виднейшие представители которой характеризовали

³⁶ Такое понимание закреплено в Большой советской энциклопедии и воспроизводится многими авторами в их публикациях в сфере авторского права.

³⁷ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». (Утв. Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. — № 3612-1) (ред. от 25.12.2023).

его как «продукт духовного творчества» (Г. Ф. Шершеневич), «выражение творческой мысли автора» (Я. А. Канторович); «творческое произведение ума» (С. А. Беляцкий); деятельность, которая «проявляется в выражении образа, возникшего в душе артиста, образа звучащего или пространственного» (А. В. Панкевич)³⁸. В современных публикациях существо творчества как мыслительной деятельности человека описывает, в частности, А. О. Косицкий: «Авторское право охраняет выражение идей, пропущенных через призму внутреннего мира автора... Свободная воля дает автору возможность фокусировать свое внимание на отдельных явлениях, а его внутренний мир определяет то, как автор воспримет эти явления и впоследствии отразит их вовне. А поскольку внутренний мир (мировоззрение, мировосприятие) у каждого человека индивидуальный, есть фактор свободной воли, то и результаты человеческого творчества скорее всего будут разными» (Kosickij, 2023, pp. 11–17). На тот факт, что творчество — это прежде всего мыслительная деятельность, обращает внимание и судами: в частности, суд при определении творческого труда указал, что это «умственная (мыслительная, духовная, интеллектуальная) деятельность, завершившаяся созданием творчески самостоятельного результата науки, литературы или искусства»³⁹.

На основании изложенного и с учетом вышеобоснованного понимания ныне существующего ИИ («слабого ИИ») как программного комплекса (или иной совокупности компьютерных программ) нет причин для утверждений, что для сегодняшнего ИИ характерны сознание, мышление, а равно и творчество. Это объясняет принципиальные отличия «классической» творческой деятельности человека от работы ИИ: «Сама техническая природа искусственного интеллекта не предполагает наличие каких-то эмоциональных и чувственных форм, которые играют основополагающую роль для мыслительного процесса» (Machanov, 2020, pp. 333–335).

Как указывалось ранее, пользователь посредством запроса (промпта) ставит перед ИИ задачу, разрешая которую ИИ генерирует результат, обусловленный работой программы и заданными алгоритмами. Признание того, что ИИ может за счет машинного обучения научиться создавать разнообразный контент, имеющий явное внешнее сходство с объектами авторских прав, не влияет на вывод о том, что в отсутствие определяющего признака творчества объекты, которые автономно сгенерированы ИИ, не могут приравниваться к результатам творческой деятельности человека и получать правовую охрану в качестве авторских произведений.

В этих условиях не совсем точен вывод В. Б. Наумова и Е. В. Тытюк, которые резюмируют: «...произведение, созданное исключительно искусственным интеллектом, не может отвечать критерию творчества: от создателя объекта в данном случае требуется лишь нажать несколько кнопок, что не только не может быть признано творчеством, но и в принципе не требует особых усилий» (Naumov & Tytiuk, 2018, p. 535).

Соглашаясь с выводом, что результат, сгенерированный ИИ вследствие «нажатия нескольких кнопок» пользователем, нет оснований характеризовать как творческий, следует возразить авторам в части признания роли создателя такого результата за человеком: в данном случае создателем выступает именно ИИ, но никак не человек. Иными словами, применительно к автономно сгенерированным ИИ результатам может идти речь не только об отсутствии критерия творчества, но и об отсутствии самого субъекта авторских прав — человека.

В подавляющем большинстве стран в настоящее время главенствует антропоцентрическая концепция, в силу которой авторство признается исключительно за человеком и которая признается наиболее рациональной с учетом природы интеллектуальных прав. Основанием этому

³⁸ См. об этих подходах: Korylov (2019, p. 57).

³⁹ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 28 ноября 2017 г. по делу № 33-3954/2017.

служат нормы Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений⁴⁰ (далее — Бернская конвенция), Всемирной конвенции об авторском праве⁴¹, которые хотя и не содержат прямого указания на то, что автором может считаться только человек, позволяют сделать такой вывод путем толкования их положений.

В соответствии с Бернской конвенцией в континентальной системе права, к которой относится и Российская Федерация, нашла отражение упомянутая концептуальная основа возникновения авторских прав, в силу которой автором произведений литературы и искусства может признаваться только человек (в то время как, в частности, англо-саксонская система права допускает также признание авторства за юридическим лицом в случае создания служебного произведения⁴²). Но в исследуемом случае создания объекта путем автономной генерации ИИ человеческий фактор полностью отсутствует — это «неавторский результат» (*authorless outputs*)⁴³, вследствие чего нет оснований для признания за кем-то авторства на созданный объект.

Таким образом, в случае автономного создания (генерации) ИИ объекта нет никаких причин пытаться усмотреть за этим возникновение авторского произведения и авторства на него у человека. Аналогичную точку зрения высказывает Мэтт Блачик: «Автономные творения систем ИИ, следовательно, выходят за рамки позитивной онтологии авторского права, будучи сродни идеям, фактам или предметам, обусловленным техническими соображениями, а не авторским творчеством. Они просто не могут быть таковыми»⁴⁴.

С учетом этого лишены основы предлагаемые в литературе конструкции признания авторами подобных результатов разработчиков ПО, владельцев машин (компьютеров) или пользователей: в рассматриваемом случае компьютер, компьютерная программа выступают лишь инструментами; ИИ при генерации результата действует автономно, независимо от контроля со стороны человека, а потому ни разработчик ПО, ни владелец машины, ни пользователь не могут считаться авторами автономно созданного ИИ результата.

Подводя промежуточные итоги, можно признать, что применительно к результатам, генерируемым ИИ, отсутствуют два определяющих для российского права критерия охраноспособности произведения литературы и искусства: объект создан не человеком и не в результате творческой деятельности.

В связи со сказанным крайне интересны рассуждения американского окружного суда, который при рассмотрении дела по жалобе неоднократно упоминавшегося Стивена Талера (*Stephen Thaler v. Shira Perlmutter*) предпринял попытку оценить возможности правовой охраны объектов, которые создаются не человеком⁴⁵. В частности, суд указал, что закон об авторском праве является достаточно гибким, чтобы охватить произведения, которые создаются с применением современных технологий. Однако в основе его гибкости лежит четкое понимание,

⁴⁰ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. — № 9. — 2003.

⁴¹ Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // СП СССР. — 1973. — № 24. — Ст. 139.

⁴² Так, согласно Кодексу США автором произведения может считаться и юридическое лицо (при создании работы на заказ работодателю принадлежат личные имущественные и неимущественные права) (17 U.S.C. § 201).

⁴³ Blaszczyk, M. (2023, November 6). Contradictions of computer-generated works' protection. *Kluwer Copyright Blog*. <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2023/11/06/contradictions-of-computer-generated-works-protection/>

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Stephen Thaler v. Shira Perlmutter. D.D.C. (2020) (mem.) https://ecf.dcd.uscourts.gov/cgi-bin/show_public_doc?2022cv1564-24.

что человеческое творчество является обязательным условием для возникновения авторского права, даже если в процессе творчества применяются новые инструменты или новые медиа. С учетом этого суд со ссылкой на исторический прецедент *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*⁴⁶, в котором впервые была защищена авторским правом фотография, а камера (фотоаппарат) рассматривалась как вспомогательный инструмент в создании произведения, напомнил, в частности, что фотографии могут признаваться произведениями, несмотря на то что они осуществляются устройством, которое просто воспроизводит находящееся перед ним. Такой подход объяснялся тем, что камера воспроизводит это только после того, как фотограф разработал «мысленную концепцию» фотографии, которая реализуется такими решениями, как позирование субъекта перед камерой, выбор костюма и других аксессуаров на фотографии, расположение объекта специальным образом, определение расположения света и тени и пр., что в целом создает изображение⁴⁷. Однако авторское право не простирается так далеко, чтобы защищать произведения, создаваемые новыми формами технологий без какого-либо руководства со стороны человека. Авторство, как заключил суд, является основополагающим требованием авторского права, синонимом человеческого творения⁴⁸.

Кроме того, нельзя не отметить указание суда в упоминавшемся деле *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony* на то, что «автор, заявляющий о нарушении своих прав, должен доказать «существование... интеллектуального результата, замысла, концепции». Это рассуждение было позднее воспроизведено в решении по делу *Feist v. Rural*» (Motovilova, 2019, pp. 56–67).

Вместе с тем в другом деле, в котором в качестве автора позиционировался не человек, суд продемонстрировал несколько иной подход. Речь о деле *Urantia Found. v. Maaherra*⁴⁹, в рамках которого фонд *Urantia* заявил требование о запрете ответчику воспроизводить книгу *Urantia Book*, которая, как указывал фонд, была продиктована неземными существами неустановленному спящему человеку, а затем составлена и доработана членами организации-истца. По результатам рассмотрения дела суд постановил, что «несмотря на то, что *Urantia Book* имеет, как утверждается, нечеловеческое происхождение, наброски, которые впоследствии были организованы и собраны членами организации, были по меньшей мере частично результатом человеческого творчества» (цит. по Motovilova, 2019, pp. 56–67). При этом суд признал, что произведение подлежит авторско-правовой охране, если «такая охрана испрашивается первым человеком, который составлял, отбирал, координировал и организовывал произведение» (Motovilova, pp. 56–67), ввиду чего действия ответчика были квалифицированы как нарушение авторских прав фонда *Urantia*.

⁴⁶ *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, 111 U.S. 53 (1884). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/>

⁴⁷ Использованию определенных приемов и концепций при фотографировании посвящено много юридических публикаций, а также судебных решений. В частности, к числу моментов, характеризующих фотографию как объект авторского права, могут быть отнесены необычная композиция, нестандартный ракурс, передача индивидуальности человека в характерной только для него манере, особенности комбинации светотеней, тип освещения, подобранный автором (дневное, искусственное, боковое, точечное, рассеянное), ракурс, диафрагма, фокусное расстояние до объекта и т.д. Сейчас несколько из перечисленных функций содержатся в программных приложениях, реализованных на базе нейросетевой технологии, которые предлагают пользователю непосредственно перед фотографированием различные варианты или обеспечивают возможность наложения различных световых фильтров и объектов дополненной реальности, исключающих такие проявления творчества, как подбор композиции, светотеней, оригинальность, при создании фотографического произведения (см., например, Sinitsyn et al., 2019).

⁴⁸ *Stephen Thaler v. Shira Perlmutter*. D.D.C. (2020) (mem.) https://ecf.dcd.uscourts.gov/cgi-bin/show_public_doc?2022cv1564-24.

⁴⁹ *Urantia Foundation v. Maaherra*, 114 F.3d 955, 963–964 (1997).

В вышеуказанном деле *Stephen Thaler v. Shira Perlmutter* упоминается и еще один широко известный прецедент — дело *Naruto v. David Slater*⁵⁰. В рамках этого спора был рассмотрен случай, когда реальным создателем фотографии выступил не человек — обезьяна Наруто, которая использовала фотоаппарат, принадлежащий британскому фотографу Дэвиду Слейтеру, нажав на кнопку и тем самым сделав ряд своих фотографий (селфи). Исходя из аксиомы «животные не являются людьми» и на основе тщательного изучения законодательства, суд признал, что животные не относятся к субъектам авторского права в законе об авторских правах, поэтому автором упомянутых фотографий не может признаваться нечеловек⁵¹. Данное дело сегодня активно используется при рассмотрении вопроса о допустимости признания авторства генеративного ИИ ввиду того, что первым объектом, созданным с помощью современной технологии и получившим правовую охрану в качестве результата интеллектуальной деятельности (на что прямо указывается в Бернской конвенции), стало именно изображение, полученное с использованием фотографической технологии, т.е. фотография.

Позиция, в силу которой отсутствие автора-человека не позволяет признавать авторские права на создаваемый объект, находит прямое подтверждение в практике, в частности, австралийских судов. Так, в деле *IceTV Pty Ltd v Nine Network Australia Pty Ltd*⁵² Верховный суд Австралии прямо указал, что произведение будет защищено авторским правом только в том случае, если оно происходит от физического лица или лиц, которые приложили достаточно усилий творческого характера и мастерства. В деле *Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd*⁵³ было признано, что произведение, созданное компьютером, не получает авторско-правовую охрану, поскольку не было создано человеком (компания заявляла авторские права на таблицу данных о безопасности материалов, которая была выработана компьютером). В деле *Telstra Corporation Ltd v Phone Directories Company Pty Ltd*⁵⁴ было установлено, что на телефонные справочники не распространяются авторские права, поскольку они состояются не людьми, а с помощью компьютеризированного процесса хранения, отбора и упорядочения данных в форме каталога.

Особого внимания заслуживает решение Апелляционной коллегии Федерального суда Австралии, которая отменила решение Федерального суда Австралии по делу упоминавшегося Стивена Талера, обжаловавшего отказ Австралийского агентства по интеллектуальной собственности в регистрации изобретения, созданного ИИ-системой *DABUS*⁵⁵. Суд первой инстанции дал формальную оценку соответствия патентной заявки требованиям закона и сделал вывод, что патентное законодательство прямо не указывает, что патентообладатель обязательно должен быть человеком. Апелляционная инстанция, проанализировав положения законодательных актов, начиная со Статута о монополиях 1623 г., и судебные прецеденты, пришла к выводу, что на протяжении всей истории развития законодательства и прецедентной практики автором изобретения признавался исключительно человек; это также можно

⁵⁰ *Naruto v. David Slater*. 9th Cir. (2018). (mem.) <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html>

⁵¹ Данное дело положило начало широкой дискуссии о допустимости признания животных субъектами авторского права. В российской литературе о творчестве животных см., например, Komashko (2024).

⁵² *IceTV Pty Ltd v Nine Network Australia Pty Ltd* [2009] HCA 14 (Austl.).

⁵³ *Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd* [2010] FCA 577 para. 60 (Austl.). <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2010/2010fca0577>

⁵⁴ *Telstra Corporation Ltd v Phone Directories Company Pty Ltd* (2010) 194 FCR 142 (Austl.). <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2010/2010fcafc0149>

⁵⁵ *Thaler v Commissioner of Patents* [2021] FCA 879 (Austl.). <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>

заклучить из совокупности действующего правового регулирования в области патентного права, включая правила подачи и оформления патентных заявок. Суд особо подчеркнул, что «изобретение — это то, что предполагает «создание», т.е. творческий процесс, на который способен только человек»⁵⁶.

Примечательно, что Ведомство интеллектуальной собственности Великобритании ранее вынесло аналогичное решение об отказе Стивену Талеру в регистрации изобретения на имя ИИ-системы *DABUS*, законность чего подтвердили английские суды двух инстанций⁵⁷. Специфика ситуации в том, что английские суды ссылались на недопустимость указания ИИ в патенте в качестве изобретателя, что однако не исключало возможности признания Талера в качестве автора сгенерированного ИИ объекта: по крайней мере, английское законодательство закрепляет правило, согласно которому в работах, созданных компьютером, автором «будет считаться лицо, которое приняло необходимые меры для создания работы» (разд. 9(3) Закона об авторском праве, дизайнах и патентах (*Copyright, Designs and Patents Act 1988*)⁵⁸).

В этих условиях с опорой на поддерживаемый большинством юрисдикций⁵⁹ подход, согласно которому нечеловек, автономно создавший такой результат, который по параметрам схож с охраноспособными произведениями, не может признаваться автором такого результата, нет оснований для характеристики такого результата как объекта авторских прав. В русле этого подхода следует констатировать, что на сегодняшний день автономно сгенерированный ИИ объект не может квалифицироваться не только как объект авторских прав, но и как вообще объект интеллектуальных прав. И абсолютно верным является вывод Я. Ю. Цымбаловой: «...только само программное обеспечение является результатом человеческого труда, а не конечный продукт, полученный в процессе деятельности искусственного интеллекта» (Tsymbalova, 2020, p. 620).

С учетом сказанного не могут быть поддержаны выдвигаемые в юридической литературе предложения, обосновывающие в качестве благоприятного правового режима для результатов, сгенерированных ИИ, режим объектов интеллектуальных прав. Причем избыточное стимулирование «творчества» ИИ «хотя и не приведет к исчерпанию творческого потенциала человечества, что в теории считается невозможным, то вполне может способствовать девальвации творчества» (Kashtanova, 2023, pp. 120–132), приведет к «инфляции» ценности результатов творческого труда, «творчество человека просто потонет в массе созданных искусственным интеллектом работ»⁶⁰. Кроме того, необоснованное поощрение «творчества» ИИ способно повлечь за собой многочисленные социальные проблемы (наподобие забастовок деятелей искусства, которые имели место в США).

⁵⁶ Кузнецова, Е. (2022, 20 апреля). Искусственный интеллект = автор изобретения. Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2022/04/20/iskusstvennyj_intellekt_avtor_izobreteniya

⁵⁷ Thaler v. The Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2020] EWHC 2412 (Pat). <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Patents/2020/2412.pdf>

⁵⁸ Copyright, Designs and Patents Act 1988, с. 48, § 9 (UK) <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents>

⁵⁹ В частности, Ю. С. Харитонов и В. С. Савина пишут о том, что законодательство таких стран, как Великобритания, Ирландия, Гонконг, Индия, Новая Зеландия, допускает предоставление авторско-правовой охраны объектам, не связанным с творческим происхождением (Kharitonova & Savina, 2020, p. 533).

⁶⁰ НИУ ВШЭ. (2021). Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 20. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>

Развивая изложенное, нельзя поддержать встречающуюся в юридических публикациях идею отнесения сгенерированных ИИ результатов к общественному достоянию⁶¹. Неудачность такого решения для исследуемых объектов обусловлена следующим.

В современной литературе указывается, что «действующее законодательство прямо закрепляет вероятность непризнания произведения объектом авторских прав, предусматривая в таких случаях его изначальное нахождение в общественном достоянии» (речь о ст. 1282 ГК РФ; Rozhkova, 2024b, pp. 49–61). Но для целей настоящего исследования более значим другой момент: по смыслу п. 2 ст. 1282 ГК РФ «находящееся в общественном достоянии произведение может свободно использоваться любым лицом без согласия и выплаты авторского вознаграждения, однако авторство, имя автора и неприкосновенность такого произведения обеспечены правовой охраной» (Rozhkova, 2024b, pp. 49–61).

Распространять на объекты, сгенерированные ИИ, институт общественного достояния будет неверным шагом. Во-первых, в исследуемом случае отсутствуют авторство человека и связанные с этим личные неимущественные права (которые в рамках конструкции общественного достояния предполагают правовую охрану). Во-вторых, правообладатели таких объектов нуждаются в сохранении за ними прав использования этих объектов и распоряжения правами на них, что обусловлено (потенциальной) экономической ценностью самих таких объектов. Иной подход способен затормозить развитие инноваций в сфере ИИ, поскольку станет невозможным получить экономическую выгоду из таких объектов, а, следовательно, не будут поощряться дальнейшие разработки в рассматриваемой сфере.

Вряд ли годится здесь и вариант правовой охраны, предоставляемой орфанным произведениям (англ. *orphan work* — «сиротское произведение»), которые понимаются как объекты авторских или смежных прав, чьи правообладатели не могут быть идентифицированы и не может быть установлено местонахождение последних⁶². В связи с неизвестностью самих правообладателей орфанных произведений (или их места нахождения) получить их согласие на использование произведения невозможно, что, по сути, исключает вероятность использования такого произведения на законных основаниях и, в свою очередь, создает риск последующего возложения ответственности за нелегальное использование произведения. Правовой режим орфанных произведений был закреплен Федеральным законом «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ. Сформулированные в названном Законе механизмы приобретения права использования такого рода произведений вряд ли применимы в отношении объектов, которые вовсе не имеют автора и не могут рассматриваться в качестве авторских произведений, что исключает возможность их защиты средствами права интеллектуальной собственности.

Сложно поддержать и идею об отнесении автономно сгенерированных ИИ результатов к объектам смежных прав (такое предложение было сделано в 2018 г. Высшим советом по литературной и художественной собственности Франции, который констатировал неприменимость

⁶¹ Как правило, в качестве основоположника этой идеи указывают П. М. Морхата (Morkhat, 2018).

⁶² В европейском законодательстве понятие орфанного произведения определено следующим образом: не всякое произведение или фонограмма с неустановленным автором, а только такое, в отношении которого не был идентифицирован ни один из правообладателей или не все правообладатели, и ни один из них не обнаружен, несмотря на тщательный поиск (ст. 2 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС об определенных случаях разрешенного использования сиротских произведений (Directive 2012/28/EU, of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on Certain Permitted Uses of Orphan Works O.J. (L 299) 5, 8.)).

положений авторского права к создаваемым ИИ объектам⁶³, эта идея обосновывалась и в Докладе Высшей школы экономики⁶⁴). Придерживающаяся этой позиции А. И. Балашова предлагает взять за основу потенциального правового регулирования правовые режимы фонограмм или произведений, обнародованных публикатором (Balashova, 2023, pp. 190–206). Представляется, что данный подход стирает границы между объектами интеллектуальных прав, создание которых подразумевает личный вклад человека, и объектом, созданным ИИ, в котором такой вклад априори отсутствует.

Более взвешенным представляется вывод Е. П. Сесицкого: «Результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, «выпадают» из сферы правового регулирования, поскольку отсутствие автора — физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, препятствует предоставлению правовой охраны результатам, создаваемым системой искусственного интеллекта, как результатам интеллектуальной деятельности» (Sesitsky, 2018, p. 9). Эта же мысль прослеживается у Ю. С. Харитоновой и В. С. Савиной, признающих, что «во многих юрисдикциях законодательство и практика не готовы признать существование исключительного права на объект в случае, если он был создан путем применения интеллектуальных алгоритмов, отказывая такому объекту в творческом происхождении» (Kharitonova & Savina, 2020, p. 533).

Резюмируя, следует отвергнуть возможность для результатов, автономно создаваемых ИИ, выступать в качестве объектов авторских и смежных прав, и констатировать, что в отношении таких объектов могут быть установлены иные субъективные имущественные права, которые ввиду их самостоятельной экономической ценности способны участвовать в обороте. Изложенное позволяет поддержать высказанную М. А. Рожковой идею, что для результатов, автономно сгенерированных ИИ, должен быть разработан другой, самостоятельный правовой режим, но это «не должен быть режим, разработанный для результатов интеллектуальной деятельности (человека)»⁶⁵. При этом поддерживаемый в настоящем исследовании подход, не предполагающий признание авторских или иных интеллектуальных прав на объекты, автономно сгенерированные ИИ, требует определенности в части характеристики имущественных прав на такие объекты.

Разработка самостоятельного правового режима для новых с точки зрения правопорядка объектов — результатов, автономно сгенерированных ИИ, — невозможна без разрешения ряда вопросов. Прежде всего это вопросы о том, в какой момент такие результаты могут рассматриваться как объект гражданских прав, кто в таком случае становится правообладателем такого объекта (не являясь автором) и — главное — какие права в связи с этим возникают у правообладателя.

Отвечая на поставленные вопросы, надо отметить, что права на результаты, автономно генерируемые ИИ, возникают в момент их создания ИИ, т.е. по завершении генерации:

⁶³ См. об этом: Ерохина, Е. (2024, 25 мая). Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом. *Закон.ру*. https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom

⁶⁴ НИУ ВШЭ. (2021). Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 21, 25, 27–28. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>

⁶⁵ Рожкова, М. А. (2025, 12 февраля). Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, — суть различий. *Закон.ру*. https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannyye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij

в момент возникновения такие объекты обладают (потенциальной) имущественной значимостью, что позволяет рассматривать их в качестве объектов имущественных прав.

Применительно к субъектному составу обладателей прав на анализируемые объекты надо указать, что во многом он предопределяется предлагаемым подходом к правовой охране объектов, создаваемых ИИ. Например, В. Б. Наумов и Е. В. Тытюк выделяют следующие подходы: (1) признание неохранным правом интеллектуальной собственности объекта; (2) признание произведениями, перешедшими в общественное достояние; (3) охрана в качестве информации; (4) охрана авторским правом; (5) охрана смежными правами (Naumov & Tytiuk, 2018, p. 535).

В то же время имеют место различные подходы к трактовке авторства на результаты, создаваемые ИИ. В частности, самой известной на сегодня признается классификация объема правосубъектности ИИ, сформулированная П. М. Морхатом, который выделяет следующие концепты: (1) машиноцентрический (автором признается ИИ); (2) гибридного авторства (ИИ рассматривается как соавтор человека); (3) служебного произведения (ИИ сравнивается с наемным работником); (4) антропоцентрический (автором является человек, а ИИ лишь инструмент в руках человека); (5) «исчезающего» (нулевого) авторства; (6) смешанный концепт (Morkhat, 2018b, p. 50). В юридической литературе обосновываются и иные концепции авторства работ, созданных ИИ. Например, Э. А. Шахназарова исходит из возможности наделить ИИ правосубъектностью (Shakhnazarova, 2021, pp. 34–45). М. О. Кухно поддерживает предложенную Т. Л. Батлером теорию «фиктивного автора», согласно которой лицо, обеспечившее функционирование ИИ, следует признавать автором сгенерированного ИИ объекта (Kukhno, 2023, pp. 34–45). А. В. Гурко предлагает распространить на правоотношения с участием ИИ конструкцию вещи и плода, квалифицируя сгенерированный объект как плод ИИ (Gurko, 2017, pp. 7–18). Подробный анализ предлагаемых концепций был дан в работе Е. В. Евтеевой, которая предложила авторскую классификацию различных вариантов наделяния ИИ и других лиц правами на создаваемые объекты (Evtееva, 2022, pp. 97–110).

В настоящем исследовании обосновывается подход, исключающий возможность для человека выступать автором автономно сгенерированных ИИ объектов. Вследствие этого отрицается и возможность возникновения авторских прав на такие объекты: применительно к сгенерированным ИИ результатам могут возникать имущественные права, не имеющие никакого отношения к сфере интеллектуальной собственности.

Вместе с тем при решении вопроса о правообладателе — обладателе имущественных прав на такие объекты допустимо опираться на рассуждения, которые содержатся в юридической литературе применительно к авторству на исследуемые объекты. Иными словами, при решении вопроса о правообладателе автономно сгенерированных ИИ результатов представляется верным не игнорировать те аргументы, которые выдвигались в поддержку авторства того или иного лица на объекты, сгенерированные ИИ. Такое допущение объясняется тем, что содержащаяся в публикациях аргументация основывается в том числе на экономической значимости создаваемых ИИ объектов.

Но прежде всего, исходя из сформулированных выше выводов применительно к внедрению концепции «электронного лица», необходимо сразу отвергнуть заключения о допустимости принадлежности таких прав непосредственно самому ИИ или ИИ совместно с автором. Это связано с отсутствием на сегодняшний день «сильного ИИ» («электронного лица»), в то время как «слабый ИИ», который представляет собой программный комплекс и в силу этого является объектом гражданских прав, никоим образом не может рассматриваться в качестве субъекта имущественных прав.

Забегая вперед, следует признать, что пользователь не может автоматически получать имущественные права на объекты, автономно сгенерированные ИИ по его запросу, по следующим основаниям.

В определениях генеративного ИИ, изложенных в настоящем исследовании, прямо подтверждалась созидательная роль пользователя при генерации объектов ИИ. Однако, несмотря на то что волевой момент начала генерации принадлежит человеку (пользователю) и именно пользователь определяет границы и задает параметры для создания ИИ объекта, собственно сама генерация результата осуществляется ИИ самостоятельно на основании заданных программой алгоритмов и параметров. В этих условиях и с учетом того, что результаты генерации «носят заранее не предсказуемый характер»⁶⁶, нет никаких оснований признавать право пользователя на автономно сгенерированный ИИ результат.

Данная ситуация позволяет проводить некоторые аналогии с договором авторского заказа: по общему правилу заказчик, определяющий параметры заказываемого произведения, приобретает только материальный носитель, в котором воспроизведено произведение, тогда как исключительное право на само это произведение может быть отчуждено автором в пользу заказчика, если они специально согласовали такое условие в договоре (ст. 1288 ГК РФ).

Пользователь сможет стать правообладателем исключительных прав в том случае, если он внесет значительный творческий вклад в создание произведения на основе автономно сгенерированного ИИ результата, что позволит рассматривать полученный в синергии продукт как авторское произведение, о чем будет говориться далее.

Вышеизложенное требует оценить допустимость признания в качестве обладателя результата, автономно созданного ИИ, во-первых, разработчика программного обеспечения для ИИ (или его работодателя, если произведение служебное), а, во-вторых, оператора соответствующей платформы, приложения или сервиса, использующего ИИ. Как подчеркивается в юридических публикациях, в российском праве ряд авторов исходят из того, что права на произведения, созданные ИИ, должны закрепляться за разработчиком (И. В. Савельева, Ю. Т. Гульбин, А. П. Сергеев и др.), тогда как другие полагают, что это право должно принадлежать «организатору процесса использования», т. е. оператору ИИ (В. О. Калятин, В. Б. Нагродская и др.)⁶⁷.

Во многих публикациях указывается на справедливость признания прав на генерируемые ИИ объекты за разработчиками программного обеспечения. Например, Нил Бурстин пишет о том, что именно благодаря произведению программиста (программному обеспечению) появляется возможность генерации ИИ различных объектов, вследствие чего именно программист должен является логическим владельцем прав на него (Burstyn, 2016, pp. 281–310). Схожую идею высказывал еще в прошлом веке Э. П. Гаврилов, отмечавший, что если созданный объект «отвечает признакам, предъявляемым к произведениям, охраняемым авторским правом, то их авторами должны считаться разработчики программ, с помощью которых созданы эти произведения, даже если сам разработчик не мог предсказать конечного результата» (Gavrilov (1984) цит. по Kukhno (2023, pp. 72–86)).

⁶⁶ Отмечая это, Д. А. Мотовилова ссылается на слова Ады Лавлейс, создавшей программу для аналитической машины (прообраза современного компьютера) и утверждавшей: «Аналитическая машина не претендует на то, чтобы порождать что-либо. Она может делать только то, что мы знаем, как приказать это выполнить» (Motovilova, 2019, pp. 56–67).

⁶⁷ НИУ ВШЭ. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы* (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 9. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>

Противоположного взгляда придерживается Е. П. Сесицкий, доказавший, что «в силу отсутствия прямой связи между творческим трудом физических лиц, участвующих в разработке и обеспечении функционирования систем искусственного интеллекта, и конечными результатами, автономно создаваемыми системами искусственного интеллекта, невозможно признать указанных лиц авторами результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта» (Sesitsky, 2018, p. 9).

Поддерживая последнее заключение, можно утверждать, что результатом интеллектуальной деятельности разработчика программного обеспечения, в котором задействуется ИИ, выступает собственно компьютерная программа (код), которая обеспечивает «работу» ИИ в целом и не нацелена на создание определенного объекта. Созданием такой программы завершается творческая деятельность разработчика, и он может распорядиться своим исключительным правом на созданные им компьютерные программы, получая от этого экономическую выгоду.

В связи со сказанным заслуживает внимание замечание Д. А. Мотовиловой о том, что отсутствие у генерируемых объектов авторско-правовой защиты отнюдь не препятствует получению экономической выгоды такими технологическими гигантами, как *Google*, *Microsoft*, *IBM* и *Amazon*: для коммерциализации разработок в сфере ИИ они активно используют инструменты договорного права, предлагая свои решения в качестве услуг. При этом она подчеркивает: «Некоторые исследователи выступают за распространение авторско-правовой защиты на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, полагая, что такая защита будет служить стимулом для создания и совершенствования новых систем. Однако с позиций экономического анализа права данное предложение не выдерживает критики. Напротив, предоставление авторско-правовой охраны приведет, во-первых, к чрезмерному вознаграждению разработчиков таких систем, а, во-вторых, к сдерживанию дальнейшего развития данной индустрии» (Motovilova, 2019, pp. 56–67).

В свою очередь, результаты, которые впоследствии генерирует ИИ, как правило, не содержат никакого влияния разработчика, поскольку, как указывалось выше, ИИ создает объекты, следуя заложенным в него алгоритмам и параметрам. Исключением из общего правила будет ситуация, описанная А. А. Алексейчуком (см. выше), когда именно разработчики (а не пользователи) способствуют созданию ИИ определенного результата, однако и такая деятельность разработчиков предшествует генерации, а сама генерация осуществляется ИИ автономно.

В развитие сказанного следует согласиться с подходом, признающим права на результаты, автономно сгенерированные ИИ, за «лицом, организующим процесс использования ИИ», т.е. оператором соответствующей платформы либо приложения или сервиса, использующего ИИ. В Докладе Высшей школы экономики в обоснование изложенного указывается: «Преимуществом данной модели являются стимулирование процесса создания новых результатов интеллектуальной деятельности и обеспечение владельцу искусственного интеллекта возможности эффективно осуществлять его коммерческую эксплуатацию. Именно эта фигура является той точкой, воздействуя на которую можно стимулировать возможно эффективное применение искусственного интеллекта. От этого лица зависит, какие результаты и с какими характеристиками будут созданы. Деятельность такого лица может являться весьма сложной, т. к. именно оно определяет задачу, стоящую перед искусственным интеллектом, производит корректировку полученных результатов, выясняет необходимость сопряжения их с другими объектами и т. д., и требовать существенных расходов. Безусловно, роль организатора в создании результата интеллектуальной деятельности

становится определяющей и с точки зрения общественного прогресса вполне заслуживающей стимулирования»⁶⁸.

Таким образом, нет оснований для признания за разработчиком прав на сгенерированные ИИ результаты, если только он не совпадает в одном лице с оператором соответствующей платформы либо приложения или сервиса, использующего ИИ. Именно оператору должны принадлежать имущественные права на генерируемые ИИ объекты, которые это лицо может передать по договору.

В этих условиях не могут быть проигнорированы замечания С. А. Милюкова, который на основании анализа законодательства и судебной практики иностранных государств сделал вывод о формировании в зарубежных правовых системах двух направлений правового регулирования: первое предполагает разработку специальных положений о правовой охране объектов, созданных ИИ; второе привязывает вывод о правовой охране к вопросу об охраноспособности произведения. При этом ко второму направлению «относятся, например, Соединенные Штаты Америки, в которых специальное правовое регулирование отсутствует, и правоприменители в нескольких конкретных делах решали вопрос о наличии авторских прав на сгенерированные объекты исходя из выполнения условий, необходимых для возникновения авторских прав» (Milyukov, 2025, p. 68).

На основании проведенного исследования представляется правильным для объектов, автономно сгенерированных ИИ, выбрать первое направление правового регулирования. Таким объектам должен быть предложен правовой режим *sui generis*, который не только обеспечит правовую охрану и защиту, но и будет стимулировать дальнейшую разработку и использование генеративных ИИ. Правовое регулирование имущественных прав на такие объекты не должно опираться на право интеллектуальной собственности: для этого нет никаких оснований ввиду того, что правовой режим должен предоставляться объектам, не имеющим автора и не являющимся результатом творческого труда человека.

Преимущества режима *sui generis* (в отличие от правового режима объектов интеллектуальной собственности) заключаются в предоставлении операторам (информационной платформы, приложения или сервиса) имущественного права, которое включает право использования объектов, генерируемых ИИ, на их площадке, по усмотрению оператора, а также право распоряжаться правами на такие объекты, в том числе путем предоставления прав использования посредством договора присоединения. При этом целесообразно установление достаточно короткого срока такого имущественного права ввиду экономической нецелесообразности длительной правовой охраны подобных произведений. Как отмечает А. И. Балашова (Balashova, 2022, pp. 90–98), в юрисдикциях некоторых стран общего права: Новой Зеландии, Великобритании, Ирландии, Гонконге, Южной Африке и Индии, в которых закреплен специальный режим для произведений, созданных программами для ЭВМ, устанавливается срок правовой охраны, который исчисляется с даты создания таких произведений и является иногда достаточно продолжительным (в Великобритании он составляет 50 лет). Вместе с тем не усматривается потребности в установлении столь длительного срока правовой охраны исследуемых объектов ввиду достаточно быстрой утраты ими актуальности: машинное обучение, предопределяющее стремительное развитие ИИ,

⁶⁸ НИУ ВШЭ. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы* (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 21. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>

с каждым годом повышает качество генерируемых ИИ результатов, что лишает смысла обращение к старым результатам.

В целях практической реализации выработанных научных положений и сделанных выводов в рамках участия в рабочей группе по разработке проекта федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта» были сформулированы следующие нормативные положения:

1. Результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом по запросу пользователя генеративной системы искусственного интеллекта, не признается результатом интеллектуальной деятельности гражданина.
2. Имущественное право на результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом, принадлежит оператору генеративной системы искусственного интеллекта. Оператор вправе использовать такой результат по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, а также распоряжаться имущественным правом на такой результат путем его отчуждения по договору другому лицу или предоставления другому лицу (лицам) права использования такого результата в установленных договором пределах, в том числе договором присоединения.
3. Имущественное право на результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом, действует в течение 10 лет, считая с первого января года, следующего за годом создания такого результата.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

1. Промпт является предварительным этапом, тогда как сгенерированный результат рассматривается как автономный от проделанной до этого работы человека. Вследствие этого, независимо от того, работает ли ИИ на основе обычного промпта или по запросу пользователя перерабатывает авторское произведение, сгенерированный результат представляет собой объект, автономно созданный ИИ. Аналогично труду разработчиков, если генерация ИИ результата стала не следствием промпта пользователя, а результатом деятельности разработчиков, то это предварительная работа. Творческий результат может появиться только по результатам доработки сгенерированного ИИ результата.
2. Применительно к результатам, самостоятельно генерируемым ИИ, можно утверждать об отсутствии двух определяющих для российского права критериев охраноспособности произведения литературы и искусства: объект создан не человеком и не в результате творческой деятельности. Вследствие этого автономно создаваемые ИИ объекты не могут быть признаны авторскими произведениями ввиду отсутствия двух основополагающих критериев — авторства и творческого вклада, которые отличают творческую деятельность человека. С учетом этого лишены правовой основы предлагаемые конструкции признания авторами подобных результатов разработчиков программного обеспечения, владельцев машин (компьютеров, роботов) или пользователей: ИИ при генерации результата действует автономно, независимо от контроля со стороны человека, и потому ни разработчик программного обеспечения, ни владелец машины, ни пользователь не могут считаться авторами созданного ИИ результата.
3. Нет оснований распространять на объекты, автономно сгенерированные ИИ, институт общественного достояния. Это связано с тем, что, во-первых, в данном случае отсутствуют авторство человека и связанные с этим личные неимущественные права (которые в рамках конструкции общественного достояния предполагают правовую охрану). Во-вторых, правообладатели таких объектов нуждаются в сохранении за ними прав использования этих

объектов и распоряжения правами на них, что обусловлено (потенциальной) экономической ценностью самих таких объектов.

Правовой режим результатов, создаваемых человеком при использовании генеративного искусственного интеллекта

Вопрос охраноспособности объектов, создаваемых с использованием различных компьютерных технологий, начал обсуждаться очень давно. Еще в 1965 г. Бюро авторских прав США в своем ежегодном отчете отмечало: «По мере развития и усложнения компьютерных технологий возникают сложные вопросы авторства. Ранее Бюро авторских прав получило заявку на регистрацию музыкальной композиции, созданной с помощью компьютера. В этом году авторские права были заявлены на абстрактный рисунок, а также на компиляции различного рода, которые, по крайней мере частично, являются «работой» компьютеров. Несомненно, что как количество произведений, которые, по всей видимости, были созданы или «написаны» компьютерами, так и проблемы Бюро авторских прав в этой области будут возрастать. Определяющий вопрос заключается в том, является ли «произведение» в основном созданным человеком, а компьютер выступает лишь вспомогательным инструментом или традиционные элементы авторства в произведении (литературное, художественное или музыкальное выражение или элементы выбора, аранжировки и т.д.) были фактически задуманы и выполнены не человеком, а машиной»⁶⁹.

В 1974 г. в США была образована специальная Национальная комиссия по новым технологическим видам использования произведений, охраняемых авторским правом (*National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works, CONTU*), задачей которой стала разработка рекомендаций по вопросам, связанным с использованием компьютеров и копировальных машин. В 1978 г. в итоговом докладе комиссией было признано следующее: «Чтобы претендовать на авторские права произведение должно быть оригинальным авторским произведением... Если произведение, созданное с помощью компьютерных технологий, соответствует минимальному тесту на оригинальность, оно подлежит охране авторским правом. Возможность охраны произведения авторским правом зависит не от устройства или устройств, использованных при его создании, а скорее от наличия минимальных творческих усилий человека при создании произведения»⁷⁰.

Таким образом, Национальная комиссия по новым технологическим видам использования произведений, охраняемых авторским правом, приравнивала компьютерные технологии к инструментам, которые люди могут применять в творческой деятельности, но обозначила, что авторское право на создаваемые таким образом произведения возможно признать только при условии, что человеком были приложены хотя бы минимальные творческие усилия (*minimal human creative efforts*) при создании такого произведения.

Бюро авторских прав США в целом придерживается аналогичного подхода при решении вопроса о признании прав на объекты, создаваемые с применением технических средств и компьютерных технологий. По крайней мере в Компедиуме (сборнике) практики Бюро, который является руководством по регистрации и записям, указывается на невозможность регистрации произведений, которые созданы машиной или посредством простого механического

⁶⁹ Register of Copyright. (1966). 68th annual report of the Register of Copyrights for the fiscal year ending June 30, 1965. U.S. Copyright Office, Library of Congress. P. 5. <https://www.copyright.gov/reports/annual/archive/ar-1965.pdf>

⁷⁰ National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works. (1978). Final report of the National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works. U.S. Congress. P. 45. <http://www.digital-law-online.info/CONTU/PDF/index.html>

процесса, работающими случайным образом или автоматически без какого-либо творческого вклада или участия со стороны автора-человека⁷¹. Но, надо отметить, практика Бюро по такого рода объектам проходит этап становления и пока не слишком однородна. В частности, по результатам рассмотрения заявки неоднократно упоминавшегося разработчика и исследователя ИИ Стивена Талера, который обратился за регистрацией в качестве художественного произведения автономно созданного ИИ результата под названием «Недавний вход в рай», Бюро авторских прав вынесло решение об отказе. Отклоняя заявку Талера, Бюро специально подчеркнуло, что авторское право не охраняет объекты, созданные без «человеческого авторства», что закон об авторском праве распространяется только на произведения, созданные людьми, поэтому только та работа, которая создана человеком, может получить охрану авторского права. С учетом этого Бюро авторских прав не будет регистрировать работы, созданные ИИ автономно, в создании которых отсутствует авторский вклад человека⁷².

При рассмотрении жалобы Талера на отклонение заявки Бюро авторских прав, Окружной суд штата Колумбия с учетом анализа нескольких решений Бюро подтвердил, что действующее законодательство об авторском праве обеспечивает защиту только плодов интеллектуального труда человека, поэтому творческая деятельность человека является неперенным условием для возникновения авторских прав на произведения. В свою очередь, автономное создание компьютером произведения, в котором отсутствует творческое участие или вмешательство человека, не может получить правовую охрану⁷³.

Принципиально другой результат имел место при рассмотрении Бюро авторских прав заявки художницы из Нью-Йорка Крис Каштановой (*Kris Kashtanova*), которой изначально удалось зарегистрировать авторские права на графический роман (комикс) «Заря рассвета» (*Zarya of the Dawn*), объединяющий в себе изображения, которые были созданы генератором изображений *Midjourney*. Затем Бюро авторских прав инициировало процедуру отзыва правовой охраны, ссылаясь на ее ошибочное предоставление произведению, которое целиком сгенерировано ИИ. Вместе с тем по результатам рассмотрения заявки Бюро признало, что составляющие произведение изображения созданы ИИ и не охраняются авторским правом, тогда как текст, а также подбор и расположение письменных и визуальных элементов созданы под авторством Каштановой, поэтому могут получить авторско-правовую охрану⁷⁴.

Бюро авторских прав отказало в регистрации прав художнику Джейсону Аллену (*Jason Allen*), картина которого «Театр пространственной оперы» (*Théâtre D'opéra Spatial*) победила в 2022 г. в штате Колорадо в конкурсе художников в категории «Цифровое искусство». Аллен указывал, что создал картину с помощью генератора изображений *Midjourney* и не отрицал, что ИИ был одним из его инструментов. По словам художника, для получения желаемого результата он несколько недель подбирал различные варианты текстового запроса (промпта) в *Midjourney* и получил в итоге сотни изображений, из которых выбрал три наиболее удачных и их дополнительно обработал с помощью графических программ *Photoshop* и *Gigapixel AI*.

⁷¹ U.S. Copyright Office, Compendium of U.S. Copyright Office Practices § 101 (3d ed. 2021), <https://www.copyright.gov/comp3/>.

⁷² Letter from Exam'r Angello, Visual Arts Div., Off. of Registration Pol'y & Prac., U.S. Copyright Off., to Ryan Abbott (Aug. 12, 2019), https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d6/Thaler_v._Perlmutter%2C_Initial_Refusal_Letter.pdf
Letter from U.S. Copyright Off., to Ryan Abbott (March 30, 2020).

⁷³ Stephen Thaler v. Shira Perlmutter. D.D.C. (2020) (mem.) https://ecf.dcd.uscourts.gov/cgi-bin/show_public_doc?2022cv1564-24.

⁷⁴ Letter from Robert J. Kasunic, Assoc. Reg. of Copyrights, Dir. of the Off. of Reg. Pol'y & Prac., U.S. Copyright Off., to Van Lindberg, Taylor English Duma LLP, (Feb. 21, 2023) (Registration # VAU001480196). <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf>.

Между тем Бюро отказало художнику в регистрации авторских прав на указанное изображение по причине недостаточности творческого вклада⁷⁵.

Недавнее решение Бюро авторских прав касалось созданной с помощью генератора изображений *Invoke* иллюстрации «Кусок американского сыра» (*A Single Piece of American Cheese*), применительно к которой заявителю удалось доказать существенный творческий вклад человека. Вместе с тем в данном случае предметом доказывания стала деятельность по координации раскрашивания и расположению раскрашенных компонентов в иллюстрации. В результате Бюро предоставило авторско-правовую охрану, но не изображению в целом, а компиляции (составительству), которая проявилось в подборе и расположении раскрашенных сегментов в изображении⁷⁶.

Последнее из рассмотренных дел, вероятно, учитывает положения Отчета об авторском праве и ИИ, опубликованного Бюро авторских прав США в 2025 г.⁷⁷ Этот отчет стал, по сути, ответом на высказываемые некоторыми американскими учеными сомнения в том, что Бюро готово бороться с наплывом компьютерных произведений (Hristov, 2020).

Думается, что заложенные в Отчете об авторском праве и ИИ заключения и подходы могут быть учтены и при разработке доктринальных подходов в рассматриваемой сфере, а также формировании правильной и эффективной судебной практики.

Следует признать, что в российской юридической литературе высказываются взгляды, схожие с вышеизложенными. В частности, С. А. Милуков пишет: «...если пользователь с помощью нейросети генерирует изображение на основании фразы, то он не творит, т.к. объективную форму изображения генерирует именно нейросеть. Сгенерированные объекты, которые не созданы творческим трудом, не охраняются авторским правом» (Milyukov, 2025, pp. 63–73). При этом, как указывалось выше, в отечественной доктрине находит поддержку заключение, что пользователи, используя сгенерированный ИИ результат и реализуя свой творческий потенциал, вполне способны создать объект, который является потенциально охраноспособным. Специально подчеркивается, что использование технологии при создании творческого продукта требует выявления наличия творческой составляющей, что и позволит в конечном счете причислить этот объект к числу авторских произведений: «Сам по себе факт применения технологии или технических средств при создании объекта не лишает этот объект возможности получить правовую охрану в качестве авторского произведения, поскольку его создание не исключает творческий характер самого процесса. Примечательно, что этот вывод нашел прямое подтверждение в разъяснениях Верховного Суда РФ⁷⁸. Таким образом, получил закрепление следующий подход: если при создании произведения используются современные технологии, но деятельность человека носит творческий характер, полученные результаты могут признаваться объектами авторского права» (Rozhkova & Isaeva, 2023, pp. 153–172).

С учетом вышесказанного базисным для данного этапа исследования будет заключение, что на основе автономно сгенерированного ИИ результата пользователь может создать

⁷⁵ Letter from Suzanne V. Wilson, Gen'l Couns. and Assoc. Reg. of Copyrights, Maria Strong, Assoc. Reg. of Copyrights and Dir. of Pol'y and Int'l Aff., Jordana Rubel, Assistant Gen. Couns., U.S. Copyright Off. Rev. Bd., to Tamara Pester, Esq., Tamara S. Pester, LLC (Sept. 5, 2023) (SR # 1-11743923581). <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/Theatre-Dopera-Spatial.pdf>.

⁷⁶ Letter from U.S. Copyright Off., to Cooley LLP, (Jan. 30, 2025) (Registration # 1-14119617821).

⁷⁷ U.S. Copyright Office. (2025). *Report on copyright and artificial intelligence*. The Library of Congress. <https://www.copyright.gov/ai/>

⁷⁸ Пункт 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2019 г. № 10.

авторское произведение. И применительно к такому результату ИИ будет рассматриваться только как инструмент, как техническое средство осуществления творческой деятельности, причем «такое использование искусственного интеллекта будет вполне покрываться существующим регулированием в области интеллектуальной собственности»⁷⁹.

Верховным Судом РФ применительно к созданию авторских произведений с использованием технических средств были сформулированы (и изложены в п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10) следующие выводы: «Перечень объектов авторского права, содержащийся в пункте 1 статьи 1259 ГК РФ, не является исчерпывающим... Судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом... Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются».

В развитие сказанного несомненной значимостью обладает п. 1 ст. 1228 ГК РФ, который не только закрепляет основной постулат права интеллектуальной собственности о том, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат, но и обозначает примеры видов деятельности, которая не может признаваться личным творческим вкладом в создание авторского произведения: «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ». В связи со сказанным в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» более детально раскрывается понятие «технической и иной помощи, не носящей творческого характера» — это «подбор материалов, вычерчивание схем, диаграмм, графиков, изготовление чертежей, фотографий, макетов и образцов, выполнение расчетов, оформление документации, проведение опытной проверки и т. п.», а кроме того, специально упоминается, что не рассматривается в качестве творческой деятельности само по себе руководство деятельностью автора(-ов).

Изложенные положения распространяются в том числе и на авторские произведения, создаваемые с помощью технических средств. Вследствие этого осуществление любого содействия (технического, консультационного, организационного и иного) при создании пользователем объекта на базе результата, сгенерированного ИИ, позволяет рассматривать в качестве автора произведения только самого пользователя, но не лиц, оказавших указанное техническое, организационное, руководящее и иное, не относящееся к творческому вкладу содействие.

⁷⁹ НИУ ВШЭ. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы* (рук. авт. колл. В. О. Калятин). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 21. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>.

В подтверждение данного вывода уместно процитировать мнение М. А. Рожковой и О. В. Исаевой: «...при оценке охраноспособности объекта ключевое значение имеет степень и характер участия человека в его создании, а не способ его создания и, тем более, не принадлежность используемых средств собственно автору. Иными словами, использование технологий в процессе работы над каким-то объектом способно привести к созданию как нового объекта, охраноспособного с позиции авторского права, так и неохраноспособного — если это результат механического использования существующей технологии. Вследствие этого судам при разрешении конкретного спора надлежит давать оценку созданному объекту на предмет того, может ли он относиться к числу авторских произведений, что предопределяет возможность применения к возникшим по поводу этого отношениям норм авторского права» (Rozhkova & Isaeva, 2023, pp. 153–172).

Следовательно, если действия пользователя, связанные с процессом создания объекта с помощью ИИ, заключаются в запуске соответствующего компьютерного приложения и загрузке в него информации, материалов или установке настроек, необходимых для создания конечного результата, то такие действия сложно квалифицировать как творческую или интеллектуальную деятельность (Pankratova, 2019, pp. 47–50).

Таким образом, для того чтобы определить, является ли созданный с помощью ИИ объект охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, необходимо установить, создан ли этот объект именно творческой деятельностью человека. Определяющим для этого является понятие творческого вклада.

В самом общем виде творческий вклад можно трактовать как действия и усилия человека, направленные на создание творческого продукта, реализацию творческих идей, получение удовлетворения от творческого труда. Применительно к каждому из объектов интеллектуальной собственности такой вклад будет определяться по-разному. Например, в п. 34 Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных и выдаче свидетельств о государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных, их дубликатов⁸⁰ указывается следующее: «Под описанием творческого вклада автора при создании программы для ЭВМ следует понимать перечисление конкретных действий автора, направленных на создание программы для ЭВМ, например “написание исходного текста программы для ЭВМ” и тому подобное».

В тех случаях, когда творческий вклад совсем невелик, встает вопрос о допустимости правовой охраны подобных «малотворческих результатов деятельности» (Rakhmatullina, 2013, pp. 217–220). В. С. Пастернак, подчеркнув, что малотворческое произведение — это произведение, в котором степень творческого труда «настолько мала, что разглядеть этот труд довольно сложно» (Pasternak, 2021, pp. 43–49), группирует их следующим образом. Во-первых, это могут быть результаты интеллектуального труда, которые носят строго утилитарный характер и решают конкретную задачу без обращения к эстетической сфере (например, инструкция по применению, схема сборки). Во-вторых, это может быть изложение хронологии событий или явлений (без анализа или оценки, т.е. механическое соединение информации). В-третьих, сюда могут относиться произведения малых литературных форм (например, одностишия), фрагменты известных произведений, которые могут использоваться самостоятельно. В завершение своей работы автор предполагает, что «практика со временем пойдет по пути разделения объема правовой

⁸⁰ Утверждено приказом Роспатента от 25 июля 2018 г. № 129.

охраны высокотворческих и малотворческих произведений, поскольку очевидна различная степень творческого труда при их создании» (Pasternak, pp. 43–49).

В контексте настоящего исследования следует отметить, что применительно к объектам, создаваемым с использованием технологий и технических средств, сегодня формируется четкая тенденция признания таких объектов авторскими произведениями только при условии, что они относятся к высокотворческим. Поэтому в большинстве юрисдикций поддерживается подход, предусматривающий обязательность существенного творческого вклада человека в создание таких произведений.

Исходя из сказанного и с учетом многоаспектности понятия «творчество», рассмотренного в рамках настоящего исследования, необходимо разобраться, в каких случаях возникает основание для квалификации созданного с использованием ИИ объекта авторским произведением, поскольку отнюдь не всякое действие будет свидетельствовать о значительном творческом вкладе человека: нередко осуществляемая деятельность может оказаться лишь технической или малотворческой.

Решение поставленной задачи требует уделить некоторое внимание проблеме критериев значительного творческого вклада, которые не определены в действующем законодательстве об интеллектуальной собственности (как они не были и ранее определены в законодательстве об авторском праве, ныне утратившем силу). Законодатель, ссылаясь на обязательность личного творческого вклада гражданина при создании произведений, не сформулировал никаких критериев для разрешения такого вопроса. При этом, несмотря на то, что творческий вклад упоминается в большинстве работ в сфере авторского права⁸¹, его критерии четко не сформулированы в доктрине. Объяснение этому в презумпции творческого характера деятельности автора, которая, по сути, лишает остроты вопрос проработки критериев творческого вклада. В частности, В. А. Хохлов, характеризуя объекты авторского права, пишет, что деятельность автора — это всегда творческая деятельность: «Для людей как особых живых существ органично присуще творческое начало. Творчество — это создание авторских образов, характеризующихся неповторимостью, уникальностью, новизной. С точки зрения задач правового регулирования вовсе не требуется устанавливать степень напряжения мысли и неординарность подходов автора в процессе создания полученного результата. Достаточно, если имеется возможность квалифицировать итог как связанный с индивидуальностью автора, поэтому на практике творческий характер всех произведений, созданных лично автором (авторами), презюмируется, предполагается имеющимся, пока не доказано иное» (Khokhlova (2008, p. 44) цит. по Timofeev, 2010, pp. 172–186). В таких условиях можно говорить только о самых общих критериях творческого вклада, в качестве которых могут быть упомянуты, в частности, постановка задачи, разработка творческого замысла, создание предварительного варианта результата, осуществление творческого отбора и доработки/корректировки полученных результатов, принятие творческих решений в процессе создания результата.

Между тем для объектов, создаваемых с использованием технологий и технических средств, критерий творческого вклада приобретает первостепенное значение, поскольку он становится первоочередным при решении вопроса охраноспособности объекта. При этом для каждой из разновидностей авторских произведений критерии творческого вклада будут различаться. Изложенное делает крайне актуальной тщательную разработку таких критериев как в теоретическом, так и в практическом ключе.

⁸¹ Основополагающими здесь признаются работы В. Я. Ионаса, см. Ionas (1962), Ionas (1973).

Выявление критериев существенного творческого вклада при создании авторского произведения с использованием ИИ (в качестве технического средства) предполагает обращение к положениям, сформулированным актуальной судебной практикой.

Анализ российской судебной практики показал, что суды при разрешении вопроса о возникновении авторских прав, когда потенциально охраноспособный объект создается с использованием технических средств, как правило, исследуют и дают оценку присутствию творческого элемента в деятельности создателя такого объекта. Однако релевантность подходов, сформулированных в судебных решениях по такого рода делам, вызывает некоторые сомнения.

Преобладающее число решений российских судов посвящено анализу объектов, создаваемых с использованием фотографических технологий, — фотографий. Причем суды нередко довольно подробно исследуют творческую составляющую деятельности фотографа, которую усматривают за такими действиями, как выбор экспозиции; размещение объекта фотоснимка в пространстве; выбор собственной позиции для совершения фотосъемки; установка света и/или адаптация своего местонахождения и места нахождения объекта фотосъемки к имеющемуся освещению; подбор световых фильтров для объектива; выставление выдержки затвора; настройка диафрагмы; настройка резкости кадра; проявление фотопленки (для пленочных фотоаппаратов); проявление фотографий (для пленочных фотоаппаратов); обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ (для цифровых фотоаппаратов)⁸². По смыслу выносимых решений именно указанные и подобные им действия в процессе фиксации постоянно изменяющейся действительности с помощью технических средств могут расцениваться в качестве творческой деятельности, приводящей к созданию авторского произведения.

Вместе с тем отечественная судебная практика долгое время демонстрировала, что практически любое изображение, сделанное с помощью фотоаппарата или камеры смартфона, должно признаваться охраноспособным авторским произведением. Данный подход сохранял свое значение даже в тех случаях, когда участие человека в создании фотографии, по сути, заключалось только в нажатии (иногда даже неосознанном) соответствующей кнопки или клавиши.

Подобная позиция основывалась на убеждении, которое активно поддерживалось и в учебной литературе (Novoselova, 2017, pp. 60–67), что действующее законодательство не устанавливает никаких специальных условий признания фотографий объектами авторского права, в связи с чем автор (фотограф) уже в силу самого факта создания произведения (любой фотографии) обладает авторскими правами на него вне зависимости от его художественного значения и ценности⁸³. Это создавало почву для утверждений, что любое фотоизображение является итогом творческой деятельности фотографа и объектом авторского права, подлежащим охране⁸⁴.

На некорректность подобного подхода и необходимость различать информационные («протокольные») фотографии, которые нет оснований относить к авторским произведениям ввиду того, что их цель состоит в закреплении определенной информации, и фотографии

⁸² Постановления Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2023 г. № C01-458/2023 по делу № А56-68029/2022; от 20 января 2023 г. по делу № А32-15681/2022; от 3 июля 2023 г. по делу № А56-89706/2022; от 15 февраля 2023 г. по делу № А63-10133/2022; от 26 сентября 2022 г. по делу № А56-105939/2021 и др.; Научно-консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам (2024). *Вопросы, связанные с определением критериев творческой деятельности на примере фотографических произведений*. Суд по интеллектуальным правам. <https://ipcmagazine.ru/court/1729559/>

⁸³ См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 апреля 2014 г. № C01-239/2014 по делу № А40-15537/2012.

⁸⁴ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 20 сентября 2017 г. по делу № 33-6696/2017.

эстетические, которые выступают действительным результатом творчества и отражают художественное восприятие мира автором-создателем, указывают М. А. Рожкова и О. В. Исаева (Rozhkova & Isaeva, 2021, pp. 55–69). Отмечая различия между этими фотографиями и подчеркивая интуитивное несогласие многих юристов со сформировавшимся в российском праве тезисом, согласно которому каждая фотография представляет собой результат интеллектуальной деятельности, авторы обозначили целый ряд нормативных правовых актов, предназначенных для регламентаций различных форматов использования фотографий, таких как фиксация изображения человека в определенный момент времени (ст. 152.1 ГК РФ), биометрические персональные данные и «обычные» персональные данные (Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ), авторские произведения, включая правовой режим свободы панорамы, и пр.

На основании проведенного обсуждения Научно-консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам в 2024 г. выработал Рекомендации по вопросам, связанным с определением критериев творческой деятельности на примере фотографий, в которых разъяснил, что, несмотря на легальную презумпцию, предусматривающую, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом, это не означает, что все, сделанное трудом человека охраняется авторским правом: «не любой фотоснимок является произведением, охраняемым авторским правом»⁸⁵. В указанных Рекомендациях разъясняется: «Факт реализации творческих способностей автора может устанавливаться в том числе с учетом наличия объективной возможности для творчества, которая может быть ограничена исходя из обстоятельств съемки. Если съемка осуществляется только для объективной и достоверной фиксации информации об объекте съемки (копирование окружающей действительности) и отсутствует свобода творческого выбора, в частности в отношении объекта, условий фотосъемки, а также иная возможность проявления творчества, такие фотоснимки могут признаваться в качестве объектов, не охраняемых авторским правом»⁸⁶.

Вследствие сказанного ожидается изменение подхода судов к оценке фотографий в качестве авторских произведений, что способно создать и некоторые ориентиры для оценки объектов, созданных с использованием ИИ.

Последнее замечание обусловлено тем, что сегодня многие платформы, приложения и сервисы, использующие ИИ, позволяют пользователю-человеку дорабатывать объекты, сгенерированные ИИ, равно как и ИИ — генерировать новый результат, дорабатывая объект, предоставленный пользователем-человеком. Например, известное приложение *Prisma* преобразовывает фотографии пользователей в художественные изображения в стилях известных художников, в результате чего появляется совершенно иной объект, казалось бы, претендующий на признание его охраноспособным, т.е. произведением по смыслу авторского права. Вместе с тем такой объект появляется постольку, поскольку пользователь поучаствовал в этом лишь «нажатием нескольких кнопок», не прилагая никаких творческих усилий, только выбрав фильтр или иным образом отметив, что нужно автоматически изменить или откорректировать. Это не позволяет рассматривать возникший объект в качестве самостоятельного авторского произведения: это такой же автономно сгенерированный ИИ результат, не получающий авторско-правовой охраны, как и рассмотренные в предыдущей части настоящего исследования (в отличие

⁸⁵ «Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с определением критериев творческой деятельности на примере фотографий» (утверждены постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.06.2024 № СП-22/13).

⁸⁶ Ibidem.

от первоначального снимка, который в соответствующих случаях может быть признан объектом авторских прав).

Подобное преобразование фотографии возможно и посредством использования стандартных функций *Photoshop* или иного графического редактора. Однако, если над фотографией работает не ИИ, а человек, творчески изменяющий фотографию в соответствии со своими представлениями, в том числе путем добавления в нее фантазийных элементов, составления коллажей и пр., то первоначальная фотография, в частности «протокольная», которая была творчески обработана с применением графических систем самим фотографом (или иным лицом с согласия фотографа), вполне может претендовать на признание ее авторским произведением. В судебной практике встречались решения, когда суд признавал, что у фотографа возникают исключительные права на фотографию, если он вложил свое видение объекта фотографирования с использованием художественных средств фотоискусства⁸⁷.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день применительно к результатам, создаваемым генеративным ИИ, допустимы два способа использования, в отношении которых актуальна постановка вопроса о возникновении авторских прав. Результаты использования иных технологий (основанных не на генеративном ИИ) не будут рассматриваться в рамках настоящего исследования, как не входящие в его предмет.

Первый способ использования, как уже было показано, имеет место, когда результат, автономно сгенерированный ИИ, творчески дорабатывается/перерабатывается человеком. Как установлено на предыдущем этапе настоящего исследования, сам по себе результат генерации ИИ не может рассматриваться в качестве авторского произведения (конститутивными признаками и условиями охраноспособности объектов авторских прав признаются авторство человека и творческий вклад, отсутствующие у результатов «работы» ИИ). Вместе с тем при последующей творческой доработке/переработке пользователем такого результата получившийся нематериальный продукт может быть квалифицирован как объект авторского права, созданный человеком с использованием технических средств.

Второй способ использования имеет место, когда пользователь загружает в машину объект, требующий качественного преобразования (например, фотографию или текст), и ИИ на основе полученных данных генерирует новый (улучшенный) результат, как это имеет место в приложении *Prisma*. Полученный результат нет никаких оснований квалифицировать в качестве результата творческой деятельности человека — это снова будет результат, автономно сгенерированный ИИ, вследствие чего он не может получить авторско-правовую охрану.

В дополнение к сказанному необходимо дать правовую оценку характеристике обозначенных объектов в качестве производных произведений (*derivative works*), что периодически упоминается в публикациях и договорах⁸⁸.

В российском законодательстве производные произведения определены как «произведения, представляющие собой переработку другого произведения» (п. 2 ст. 1259 ГК РФ). В доктрине в связи с этим выделяют первичные (первоначальные, оригинальные) произведения, созданные автором (человеком) самостоятельно, и вторичные (зависимые), к числу которых относятся производные и составные. Причем акцент делается на следующем: «Производное произведение появляется в ситуации, когда оригинальное произведение автора (далее — первоначальное

⁸⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 апреля 2025 г. № С01-56/2025 по делу № А54-7022/2023.

⁸⁸ Так, генератор изображений *Midjourney* предоставляет пользователям лицензию на использование сгенерированных ИИ изображений, позиционируя эти изображения как производные произведения (см.: *Midjourney. (n.d.). Terms of Service.* <https://docs.midjourney.com/hc/en-us/articles/32083055291277-Terms-of-Service>).

произведение, оригинальное произведение) творчески перерабатывается им же или другим автором с целью создания нового произведения. Важно заметить, что производное произведение, являясь зависимым от первоначального произведения, все же является самостоятельным объектом, права на который независимы от прав на первоначальное произведение» (Isaeva, 2023b, p. 39).

Обозначенное понимание производного произведения не позволяет согласиться с квалификацией результатов, автономно сгенерированных ИИ, в качестве производных произведений. Причисление создаваемых ИИ объектов к числу производных произведений обосновывается обычно тем, что в основе генерации, осуществляемой ИИ, лежит множество авторских произведений, на которых обучался ИИ; причем в основу натренированности ИИ положен труд разработчиков, создавших соответствующие компьютерные программы и алгоритмы для преобразовательной работы ИИ. Но при таком понимании не учитывается, что обучение ИИ строится на значительном множестве авторских произведений, что исключает точное определение конкретного оригинального произведения, которое послужило прообразом для генерации ИИ результата. В свою очередь, о производном произведении речь может идти только в случае авторской переработки конкретного произведения (нескольких конкретных произведений). С учетом того что сгенерированный ИИ результат вовсе не является произведением, его трактовка как производного произведения лишена каких-либо правовых оснований.

Последнее обстоятельство не позволяет относить к числу производных произведений и результат, сгенерированный ИИ при преобразовании конкретного авторского произведения (при втором способе использования): этот результат вырабатывается автономно машиной и не может квалифицироваться в качестве авторского произведения.

Не могут трактоваться в качестве производных произведений и авторские произведения, созданные на основе сгенерированного ИИ результата (при первом способе использования). Это связано с тем, что результат, автономно сгенерированный ИИ, не является авторским произведением, а в отсутствие первичного произведения нет оснований признавать вторичность созданного на базе такого результата авторского произведения.

В целях практической реализации выработанных научных положений и сделанных выводов в рамках участия в рабочей группе по разработке проекта федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта» были сформулированы следующие нормативные положения:

1. Результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом по запросу пользователя генеративной системы искусственного интеллекта, может использоваться гражданином для создания результата интеллектуальной деятельности.
2. Если гражданин не внес существенного личного вклада при творческом использовании результата, автоматически созданного генеративным искусственным интеллектом, он не признается автором, а созданный результат — результатом интеллектуальной деятельности.

Существенным личным творческим вкладом гражданина могут быть признаны, в частности, разработка творческого замысла; осуществление творческого отбора и доработки полученных результатов; принятие творческих решений в процессе создания результата.

3. Не признаются личным творческим вкладом в создание результата интеллектуальной деятельности:
 - 1) техническое обеспечение работы генеративной системы искусственного интеллекта;
 - 2) действия по запуску и остановке процесса генерации результата, автоматически создаваемого генеративным искусственным интеллектом.

4. Гражданин, внесший существенный личный вклад при творческом использовании результата, автоматически созданного генеративным искусственным интеллектом, признается автором результата интеллектуальной деятельности. Такие результаты интеллектуальной деятельности охраняются в соответствии с положениями ГК РФ об интеллектуальной собственности.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

1. Применительно к объектам, создаваемым с использованием технических средств, формируется четкая тенденция признания таких объектов авторскими произведениями только при условии, что они относятся к высокотворческим. Поэтому в большинстве юрисдикций поддерживается подход, предусматривающий обязательность существенного (значительного) творческого вклада человека в создание таких произведений. Это в полной мере применимо и к авторским произведениям, создаваемым с использованием ИИ.
2. Применительно к результатам, создаваемым генеративным ИИ, допустимы два способа использования, которые позволяют ставить вопрос о возникновении авторских прав.

Первый способ использования имеет место, когда результат, автономно сгенерированный ИИ, творчески дорабатывается/перерабатывается человеком. Сам по себе результат генерации ИИ не может рассматриваться в качестве авторского произведения, поскольку конститутивными признаками и условиями охраноспособности объектов авторских прав признаются авторство человека и творческий вклад, отсутствующие у результатов «работы» ИИ. Вместе с тем при последующей творческой доработке/переработке пользователем такого результата получившийся нематериальный продукт может быть квалифицирован как объект авторского права, созданный человеком с помощью технических средств.

Второй способ использования имеет место, когда пользователь загружает в машину объект, требующий качественного преобразования (например, фотографию или текст), и ИИ на основе полученных данных генерирует новый (улучшенный) результат. Полученный результат нет оснований квалифицировать в качестве результата творческой деятельности человека — это результат, автономно сгенерированный ИИ, который не может получить авторско-правовую охрану.

3. Обосновано, что машинное обучение ИИ на основе множества авторских произведений, а также использование компьютерных программ, являющихся нередко авторскими произведениями, не позволяют квалифицировать автономно сгенерированный ИИ результат в качестве производного произведения. Это обусловлено тем, что производное произведение может возникнуть только в случае авторской переработки конкретного произведения (нескольких конкретных произведений) с созданием нового (вторичного) произведения, тогда как сгенерированный ИИ результат не является авторским произведением.

То же обстоятельство не позволяет относить к числу производных произведений результат, сгенерированный ИИ при преобразовании конкретного авторского произведения (при втором способе использования): этот результат вырабатывается автономно машиной и не может квалифицироваться в качестве авторского произведения.

Не могут трактоваться в качестве производных произведений и авторские произведения, созданные на основе сгенерированного ИИ результата (при первом способе использования). Это связано с тем, что результат, автономно сгенерированный ИИ, не является авторским произведением, а в отсутствие первичного произведения нет оснований признавать вторичность созданного на базе такого результата авторского произведения.

Закключение

В результате проведенного исследования, а также в целях практической реализации выработанных в ходе него выводов, в том числе в рамках участия в рабочей группе по разработке проекта федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта», были сформулированы следующие положения для включения в проект указанного федерального закона:

- «1. Результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом по запросу пользователя генеративной системы искусственного интеллекта, может использоваться гражданином для создания результата интеллектуальной деятельности.
 2. Если гражданин не внес существенного личного вклада при творческом использовании результата, автоматически созданного генеративным искусственным интеллектом, он не признается автором, а созданный результат — результатом интеллектуальной деятельности.
- Существенным личным творческим вкладом гражданина могут быть признаны, в частности, разработка творческого замысла; осуществление творческого отбора и доработки полученных результатов; принятие творческих решений в процессе создания результата.
3. Не признаются личным творческим вкладом в создание результата интеллектуальной деятельности:
 - 1) техническое обеспечение работы генеративной системы искусственного интеллекта;
 - 2) действия по запуску и остановке процесса генерации результата, автоматически создаваемого генеративным искусственным интеллектом.
 4. Гражданин, внесший существенный личный вклад при творческом использовании результата, автоматически созданного генеративным искусственным интеллектом, признается автором результата интеллектуальной деятельности. Такие результаты интеллектуальной деятельности охраняются в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ об интеллектуальной собственности».

Кроме того, в результате настоящего исследования были сделаны следующие выводы.

1. Применительно к объектам, создаваемым с использованием технических средств, формируется четкая тенденция признания таких объектов авторскими произведениями только при условии, что они относятся к высокотворческим. Поэтому в большинстве юрисдикций поддерживается подход, предусматривающий обязательность существенного (значительного) творческого вклада человека в создание таких произведений. Это в полной мере применимо и к авторским произведениям, создаваемым с использованием ИИ.
2. Применительно к результатам, создаваемым генеративным ИИ, допустимы два способа использования, которые позволяют ставить вопрос о возникновении авторских прав.

Первый способ использования имеет место, когда результат, автономно сгенерированный ИИ, творчески дорабатывается/перерабатывается человеком. Сам по себе результат генерации ИИ не может рассматриваться в качестве авторского произведения, поскольку конститутивными признаками и условиями охраноспособности объектов авторских прав признаются авторство человека и творческий вклад, отсутствующие у результатов «работы» ИИ. Вместе с тем при последующей творческой доработке/переработке пользователем такого результата получившийся нематериальный продукт может быть квалифицирован как объект авторского права, созданный человеком с помощью технических средств.

Второй способ использования имеет место, когда пользователь загружает в машину объект, требующий качественного преобразования (например, фотографию или текст), и ИИ на основе

полученных данных генерирует новый (улучшенный) результат. Полученный результат нет оснований квалифицировать в качестве результата творческой деятельности человека: это результат, автономно сгенерированный ИИ, который не может получить авторско-правовую охрану.

3. Обосновано, что машинное обучение ИИ на основе множества авторских произведений, а также использование компьютерных программ, являющихся нередко авторскими произведениями, не позволяют квалифицировать автономно сгенерированный ИИ результат в качестве производного произведения. Это обусловлено тем, что производное произведение может возникнуть только в случае авторской переработки конкретного произведения (нескольких конкретных произведений) с созданием нового (вторичного) произведения, тогда как сгенерированный ИИ результат не является авторским произведением.

То же обстоятельство не позволяет относить к числу производных произведений результат, сгенерированный ИИ при преобразовании конкретного авторского произведения (при втором способе использования): этот результат вырабатывается автономно машиной и не может квалифицироваться в качестве авторского произведения.

Не могут трактоваться в качестве производных произведений и авторские произведения, созданные на основе сгенерированного ИИ результата (при первом способе использования). Это связано с тем, что результат, автономно сгенерированный ИИ, не является авторским произведением, а в отсутствие первичного произведения нет оснований признавать вторичность созданного на базе такого результата авторского произведения.

Список литературы / References

1. Avershina, M. V. (2023). *Tvorchestvo i iskusstvennyj intellekt* [Creativity and artificial intelligence]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya*, 51, 201–209.
2. Balashova, A. I. (2022). *Iskusstvennyj intellekt v avtorskom i patentnom prave: Ob"ekty, sub"ektnyj sostav pravootnoshenij, sroki pravovoj ohrany* [Artificial intelligence in copyright and patent law: Objects, subjects of legal relations, terms of protection]. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (2), 90–98.
3. Balashova, A. I. (2023). *Pravovoj rezhim rezul'tatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: Edinstvo i differenciatsiya podhodov* [The legal regime of artificial intelligence activity results: Unity and differentiation of approaches]. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (3), 190–206. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_3_20
4. Bøhler, H. M. (2017). *EU copyright protection of works created by artificial intelligence systems* [Master thesis, University of Bergen]. <https://bora.uib.no/bora-xmlui/handle/1956/16479>
5. Bonadio, E., McDonagh, L., & Arvidsson, C. (2018). Intellectual property aspects of robotics. *European Journal of Risk Regulation*, 9(4), 655–676. <https://doi.org/10.1017/err.2018.58>
6. Burstyn, N. F. (2016). Creative sparks: Works of nature, selection, and the human author. *The Columbia Journal of Law & the Arts*, 39(2), 281–310. <https://doi.org/10.7916/jla.v39i2.2089>
7. Cappelli, M. A. (2015). *Regulation on safety and civil Liability of intelligent autonomous robots: The case of smart Cars* [Doctoral dissertation, University of Trento]. <http://eprints-phd.biblio.unitn.it/1632/>
8. Dickenson, J., Morgan, A., & Clark, B. (2017). Creative machines: Ownership of copyright in content by artificial intelligence applications. *European Intellectual Property Review*, 39(8), 457–460.
9. Dovgalyuk, A., & Glonina, V. (2018). *Pererabotka proizvedeniya vs «parallel'noe» tvorчество: Ponyatie, kriterii razgraničeniya* [Reproduction of a work vs “parallel” creative work: Concept, criteria of differentiation]. *Zhurnal Rossijskoj Shkoly Chastnogo Prava*, (3), 175–197.

10. Evteeva, E. V. (2022). Okhranosposobnost' ob"ektov, sozdannykh iskusstvennym intellektom: teoreticheskoe obobshchenie [Protectability of AI-generated objects: A theoretical synthesis]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nym Pravam*, (3), 97–110.
11. Gurko, A.B. (2017). Iskusstvennyj intellekt i avtorskoe pravo: Vzglyad v budushchee [Artificial intelligence and copyright: A look into the future]. *Zhurnal "I.S. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava"*, 12, 7–18.
12. Hristov, K. (2020). Artificial intelligence and the copyright survey. *Journal of Science Policy & Governance*, 16(1). https://www.sciencepolicyjournal.org/uploads/5/4/3/4/5434385/hristov_jspg_v16.pdf
13. Hutson, J. (2024). The evolving role of copyright law in the age of AI-generated works. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 886–914. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.43>
14. Ionas, V. Ya. (1963). *Kriteriy tvorchestva v avtorskom prave i sudebnoy praktike [The criterion of creativity in copyright law and judicial practice]*. Yuridicheskaya literatura.
15. Ionas, V. Ya. (1972). *Proizvedeniya tvorchestva v grazhdanskom prave [Works of creativity in civil law]*. Yuridicheskaya literatura.
16. Isaeva, O. V. (2023a). Original'nost' proizvedeniya kak kriterij ohranosposobnosti [Originality of a work as a criterion for its protectability]. *Trudy po Intellektualnoy Sobstvennosti [Works on Intellectual Property]*, 44(1), 61–67. <https://doi.org/10.17323/tis.2023.16882>
17. Isaeva, O. V. (2023b). *Predely svobody avtora proizvodnogo proizvedeniya [Limits on the freedom of the author of a derivative work]* [Ph.D. Thesis, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation].
18. Ivanov, N. V. (2020). *Avtorskie i smezhnye prava v muzyke [Copyright and related rights in music]* (A. P. Sergeev, Ed.; 2nd ed.). Prospekt.
19. Kashanin, A. V. (2007). Problema minimal'nykh standartov ohranosposobnosti proizvedenij v avtorskom prave. Germanskij opyt [The problem of minimum standards of copyrightability in copyright law: The German experience]. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, (4), 23–62.
20. Kashanin, A. V. (2010). Minimal'nyj uroven' tvorcheskogo kharaktera proizvedenij v avtorskom prave Francii [Works with minimum authorship level in French copyright]. *Law Journal of the Higher School of Economics*, (1), 114–124. <https://law-journal.hse.ru/article/view/20644>
21. Kashtanova, P. A. (2023). Perspektivy pravovoj okhrany proizvedenij, sozdavaemykh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii. *Zhurnal Suda po Intellektual'nym Pravam*, (1), 120–132. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_1_120
22. Kharitonova, Y. S., & Savina, V. S. (2020). Tekhnologiya iskusstvennogo intellekta i pravo: Vyzovy sovremennosti [Artificial intelligence technology and law: Challenges of our time]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*, (49), 524–549. <https://doi.org/10.17072/19954190-2020-49-524-549>
23. Kirpichev, A. E. (2024). Prompts for generative artificial intelligence in legal discours. *RUDN Journal of Law*, 28(4), 906–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>
24. Komashko, M. N. (2024). ChatGPT, tekst, informaciya: kriticheskij analiz [ChatGPT, text, information: Critical analysis]. *Trudi po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*, 50(3), 118–128. <https://doi.org/10.17323/tis.2024.22306>
25. Kopylov, A. Y. (2019). Tvorchestvo kak uslovie ohranosposobnosti proizvedeniya [Creativity as a condition for copyrightability of a work]. *Imushchestvennye Otnosheniya v Rossijskoj Federacii*, (12), 56–62. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2019-11204>
26. Kopylov, A. Y. (2020). Spetsifika tvorchestva v proizvedeniyah nauki, literatury i iskusstva kak usloviya predstavleniya im avtorsko-pravovoj okhrany [The specifics of creativity in the works of science, literature,

- and art as a condition for granting copyright protection to these works]. *Epomen Scientific Journal*, (41), 308–319. <https://epomen.ru/issues/2020/41/24.pdf>
27. Korolkova, D. A. (2024). Programmy iskusstvennogo intellekta i ikh klassifikaciya: Grazhdansko-pravovoj podhod [Artificial intelligence programs and their classification: A civil law approach]. *Zakon i Pravo [Law & Legislation]*, 8, 146–152. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-8-146-152>
28. Kositsky, A. O. (2023). Tvorchestvo kak kriterij okhranosposobnosti ob"ektov avtorskikh prav: Samostoyatel'noe sozdanie i tvorcheskij kharakter. Uroven' tvorcheskogo kharaktera [Originality: Independent creation and creativity. Level of creativity]. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (4), 11–17. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_4_7
29. Krasavchikov, O. A. (1958). Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal facts in Soviet civil law]. Gosyurizdat.
30. Kukhno, M. O. (2023). Iskusstvennyj intellekt — novyj sub"ekt avtorskogo prava: Nedalekoe budushchee ili fikciya? [Artificial intelligence is a new subject of copyright: the near future or fiction?] *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (3), 72–86. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_3_8
31. Li, Y. (2023). Normativno-pravovoe regulirovanie generativnogo iskusstvennogo intellekta v Velikobritanii, SShA, Evropejskom soyuze i Kitae [Specifics of regulatory and legal regulation of generative artificial intelligence in the UK, USA, EU and China]. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 16(3), 245–267. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.245.267>
32. Lutkova, O. V. (2017). *Transgranichnye avtorskie otnosheniya neisklyuchitel'nogo kharaktera: Material'no-pravovoe i kollizionno-pravovoe regulirovanie [Cross-border non-exclusive copyright relations: Substantive and conflict of laws regulation]*. Prospekt.
33. Machanov, D. N. (2020). Kriterii tvorcheskoj deyatel'nosti ili vlada ob"ektov avtorskogo prava, sozdannyh iskusstvennym intellektom [Criteria for creative activity or contribution of copyright objects created by artificial intelligence]. *Obrazovanie i pravo*, 2, 333–335. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10260>
34. Mikhailov, S. V. (2021). Prezumpciya tvorcheskogo kharaktera (original'nosti) ob"ektov avtorskikh prav [The presumption of a creative nature (originality) of copyright objects]. *Lex Russica*, 10(74), 9–25. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.179.10.009-025>
35. Milyukov, S. A. (2025). Ob"ekty, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta kak ob"ekty avtorskikh i smezhnykh prav [Objects generated by neural networks as an object of copyright and related rights]. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (1), 63–73. https://doi.org/10.58741/23134852_2025_1_6
36. Morkhat, P. M. (2018a). Sistema iskusstvennogo intellekta kak sub"ekt avtorskogo i patentnogo prava [Artificial intelligence systems as subjects of copyright and patent law]. *Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*, (3), 82–92.
37. Morkhat, P. M. (2018b). *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: Grazhdansko-pravovye problemy [Legal personality of artificial intelligence in the sphere of intellectual property law: Civil law problems]* [Ph.D. Thesis]. Rossijskaya Gosudarstvennaya Akademiya Intellektual'noj Sobstvennosti.
38. Motovilova, D. A. (2019). Perspektivy avtorsko-pravovoj zashchity rezul'tatov, sozdannyh sistemami iskusstvennogo intellekta, s pozicii amerikanskogo prava [Prospects for copyright protection of AI-generated outputs: A U.S. legal perspective]. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, (1), 56–67. <https://ipcmagazine.ru/files/ipcmagazine/1/4/1735741/journal032019.pdf>
39. Naumov, V. B., & Tytiuk, E. V. (2018). K voprosu o pravovom statuse «tvorchestva» iskusstvennogo intellekta [On the legal status of the “art” of the artificial intelligence]. *Pravovedenie*, 62(3), 531–540. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.307>

40. Nazarov, N. A. (2022). Mashinnoe tvorchestvo i pravo: Dve chasti odnogo tselogo [Machine creativity and the law: Two parts of a whole]. *Trudy po Intellektual'noy Sobstvennosti [Works on Intellectual Property]*, 43(4), 101–110. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.16358>
41. Novoselova, L. A. (Ed.). (2017). Pravo intellektual'noy sobstvennosti: Uchebnik [Intellectual property law: Textbook] (Vol. 2. Avtorskoe pravo [Copyright law]). Statut.
42. Ogorodnikova, K. S. (2021). Problema original'nosti proizvedeniya v avtorskom prava [The problem of the originality of a work in copyright]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law]*, 11A(11), 60–67. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.97.15.007>
43. Pankratova, L. S. (2019). Eticheskie problemy i politika regulirovaniya vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v servisy onlajn-znakomstv [Ethical problems and regulation policy of artificial intelligence technologies implementation in online dating services]. *Azimut Nauchnykh Issledovaniy: Ekonomika i Upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*, 8(4), 47–50. <http://dx.doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0094>
44. Pasternak, V. S. (2021). Kriterij tvorchestva i problema malotvorcheskikh proizvedenij v avtorskom prave [The criterion of creativity and the problem of low-creativity works in copyright law]. In E. P. Gavrilov & S. V. Butenko (Eds.), *Intellektual'nye prava: Vyzovy XXI veka: Sbornik dokladov III Mezhdunarodnoj konferencii* (pp. 43–49).
45. Popova, A. V., & Kiselevskaya, L. E. (2018). Kontspetsia postcheloveka — novyj diskurs XXI v. [The post-human concept — a new discourse of the 21st century]. *Istoriya i Sovremennost*, 3, 51–65. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.03>
46. Rakhmatullina, R. Sh. (2013). Tvorcheskij i netvorcheskij aspekt ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti [Creative and non-creative aspect of intellectual property objects]. In *Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: Problemy sovershenstvovaniya sovremennogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati zaslužennogo yurista RF, dokt. Yurid. Nauk, prof. N.M. Korshunova* (pp. 217–220).
47. Rozhkova, M. A. (2010). *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i processual'nogo prava: Ponyatiya, klassifikacii, osnovy vzaimodejstviya [Theories of legal facts of civil and procedural law: Concepts, classifications, bases of interaction]* [Dr.Sci. Thesis, Russian Academy of Public Service].
48. Rozhkova, M. A. (2024a). 5 priznakov (kriteriev ohranosposobnosti) proizvedenij nauki, zakreplennykh dejstvuyushchim zakonodatel'stvom [5 attributes (criteria of protectability) of works of science enshrined in the current legislation]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nym Pravam*, (2), 145–152. https://doi.org/10.58741/23134852_2024_2_8
49. Rozhkova, M. A. (2024b). 5 priznakov (kriteriev ohranosposobnosti) proizvedenij literatury i iskusstva, zakreplennykh dejstvuyushchim zakonodatel'stvom [5 attributes (criteria of protectability) of works of literature and art enshrined in the current legislation]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nym pravam*, (1), 49–61. https://doi.org/10.58741/23134852_2024_1_4
50. Rozhkova, M. A., & Isaeva, O. V. (2021). Pravovye rezhimy fotografii v rossijskom prave [Legal regime of photography in Russian law]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nym Pravam*, (2), 55–69.
51. Rozhkova, M. A., & Isaeva, O. V. (2023). Kvalifikaciya v kachestve proizvodnykh proizvedenij ob'ektov, sozdavaemykh na osnove rezul'tatov mashinnogo obucheniya i «proizvedenij» iskusstvennogo intellekta [Qualification as derivative works of objects created using the results of machine learning and artificial intelligence “works”]. In M. A. Rozhkova (Ed.), *Intellektual'nye prava v cifrovuyu epohu: Izbrannye aspekty. Vypusk 19* (pp. 153–172). GAUGN Press. <https://rozhkova.com/pdf/19-AI-2023.pdf>
52. Serebrovskij, V. I. (1956). *Voprosy sovetskogo avtorskogo prava* (P. E. Orlovskij, Ed.). Izdatel'stvo AN SSSR.

53. Sesitsky, E. P. (2018). *Problemy pravovoj ohrany rezul'tatov, sozdavaemykh sistemami iskusstvennogo intellekta* [Problems of legal protection of works created by artificial intelligence systems] [Ph.D. Thesis, Rossiyskaya Gosudarstvennaya Akademiya Intellektual'noj Sobstvennosti].
54. Shakhnazarova, E. A. (2021). Pravovoe regulirovanie otnoshenij, vznikayushchih po povodu ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti, sozdannykh tekhnologiej iskusstvennogo intellekta, na primere opyta Velikobritanii, SShA i ES [Legal regulation of relations emerging from intellectual property, created by artificial intelligence technology on the example of the experience of the UK, USA and the EU]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nomu Pravam*, (2), 34–45.
55. Sinitsyn, I. N., Druzhinina, O. V., Belousov, V. V., Masina, O. N., & Petrov, A. A. (2019). Opyt razrabotki instrumental'no-metodicheskogo obespecheniya dlya resheniya zadach modelirovaniya nelinejnykh upravlyаемых систем s primeneniem tekhnologij mashinnogo obucheniya i otechestvennykh programmno-apparatnykh sredstv [Development of methodological tools for modeling nonlinear control systems using machine learning technologies and domestic software/hardware solutions]. *Nelinejnyj mir*, 4(17), 5–19. <https://doi.org/10.18127/j20700970-201903-06>
56. Slobodyan, S. (2012). O pravovykh osnovaniyakh priznaniya proizvedeniya ob'ektom avtorskogo prava [On the legal grounds for recognizing a work as subject to copyright protection]. *Khozyajstvo i Pravo*, 2, 91–99.
57. Timofeev, A. A. (2010). Opredelenie kriteriev tvorchestva v proizvedeniyakh periodicheskoy pechati [Defining creativity criteria in periodical publications]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10 "Zhurnalistika"*, (3), 172–186.
58. Tiunova, A. I. (2021). Informacionnaya i tvorcheskaya sostavlyayushchie ob'ektov avtorskih prav: Sootnoshenie i znachenie dlya svobodnogo ispol'zovaniya [The informational and creative components of copyright objects: Correlation and significance for fair use]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nomu Pravam*, (3), 169–177.
59. Tsymbalova, Y. U. (2020). Avtorskoe pravo na proizvedeniya, sozdannye komp'yuternymi programmami [Copyright in works created by computer programs]. In *Intellektual'nye prava: Sbornik rabot vypusknikov RShChP, posvyashchennyj 90-letiyu so dnya rozhdeniya Viktora Abramovicha Dozorzeva*. Statut.
60. Yatsenko, L. V. (2010). Tvorchestvo [Creative work]. In Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social Science Foundation, V. S. Stepin (Eds.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia] (Vol. 1–4, 2-nd rev. ed.). Mysl'. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089445249fc349f1553108>.

Сведения об авторе:

Самарцева М. В. — советник, руководитесь практики интеллектуальной собственности и технологии, юридическая фирма «Дякин, Горцунян и Партнеры»; соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Российская академия интеллектуальной собственности (РГАИС); член Комиссии по интеллектуальной собственности при Международной Торговой Палате в России; вице-президент IP-Club, Москва, Россия.

Mvsamartseva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5628-366X>

Information about the author:

Maria V. Samartseva — Counsel, Head of Intellectual Property and Technology Practice, Dyakin, Gortsunyan & Partners (DGP Legal); Ph.D. in Law candidate, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS); IP Committee member at ICC Russia; Vice-President of IP CLUB, Moscow, Russia.

Mvsamartseva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5628-366X>